

АЛЕКС ОРЛОВ

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ПЕРЕХВАТ

Алекс Орлов

Перехват

Серия «Бронебойщик», книга 4

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3954465
Перехват / Алекс Орлов: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-59156-5

Аннотация

Нет покоя во Вселенной! В корпоративную войну, в которой участвует пилот боевого робота Джек Стентон, вмешалась «третья сила» – нелюди без разбора атакуют всех участников конфликта. Спецслужбам правительства удается получить информацию о готовящемся десанте чужаков, некогда владевших планетами сектора и использовавших людей в качестве рабов. Чужие располагают сетью законсервированных с давних пор подземных баз, в которых до сих пор имеются гарнизоны. Все корпоративные войны остановлены, и лучшие части бывших противников переводятся под командование министерства обороны. Чтобы упредить решающее наступление чужаков, военные срочно готовят контрдесант для высадки на космических базах врага...

Содержание

1	5
2	9
3	13
4	19
5	25
6	29
7	34
8	40
9	50
10	57
11	61
12	65
13	73
14	81
15	86
16	92
17	97
18	100
19	103
20	106
21	114
22	118
23	122

24	126
25	129
26	133
27	136
28	140
29	143
Конец ознакомительного фрагмента.	146

Алекс Орлов

Перехват

1

Помощник Лунц выскочил в приемную и строго посмотрел на Бремера – секретаря, старого служаку, который носил старшинские погоны уже двадцать лет.

Бремер и бровью не повел: он здесь таких уже много перевидал и отправил далее.

Тогда Лунц выпучился на старшего сержанта Троугана, второго секретаря приемной.

Тот слегка пожал плечами, будто немного струхнул, но, наткнувшись на твердый взгляд служаки Бремера, осмелел и даже ухмыльнулся, сволоочь!

– Где генерал Роджерс? – спросил Лунц, одергивая китель.

– Возможно, пьет пиво на банном предприятии «Корсар», сэр. У него сейчас банный час... – пряча ухмылку, сообщил Бремер. Он прекрасно знал, что Лунц такой же секретарь, как и они с «малышом» Троуганом, только при офицерских погонах. Все то же – «подай-принеси» и «почему-чай-холодный», а потому и обращаться с ним можно запросто – почему бы и не подставить его; так мудрый кот выставляет перед

хозяином в глупом виде молодого пса.

– Да ладно тебе, Патрик...

Лунц подошел к Бремеру и вымученно улыбнулся.

Он появился здесь лишь неделю назад, а майорские погоны получил только позавчера – карьера перла в гору, только держись за перила! Однако Лунцу хватало ума вовремя нажимать на аварийный тормоз – здесь многие пролетали мимо угощения напрямиком в периферийные гарнизоны.

– Патрик, ты старый волк, все знаешь. У Штерна полный стол, и все ждут генерала Роджерса – без начальника военной разведки заседание не начнется...

– Но вы будете ни при чем, сэр, если Роджерс не явится, – заметил ему молодой Троуган, а Бремер только хмыкнул.

– Я буду ни при чем, – кивнул Лунц, принимая правила игры унтер-офицеров, – но у босса останутся связанные со мной негативные воспоминания, а я этого не хочу.

– Но чего вы хотите от нас, сэр? – спросил Бремер, упиваясь своей властью.

– Мне нужна ваша подсказка, старшина. Где он и почему до сих пор не появился, – его секретарь уверяет, что генерал уже ушел на совещание...

– Ящик пива «Синий Дрозд»...

– Не вопрос, – сразу согласился Лунц.

– Скорее всего, секретарь врет, сэр, и его хозяин валяется пьяный в комнате отдыха. Там у него на полочке должны быть вытрезвляющие препараты трех видов...

– Так, я слушаю!

– Таблетки, спрей и одноразовый инъектор. Если он действительно сильно нажрался, инъектор – самое лучшее.

– Но почему секретарь не даст ему лекарство?

– Боится, сэр. Хозяин дважды стрелял в него, и больше Луарвик подставляться не хочет.

– Хорошо, – майор одернул китель. – Я пошел.

– Подождите, сэр...

– Что еще, Бремер?

– Бутылка коньяка сверху... – ухмыльнулся старшина, и Лунц понял, что это еще не все.

– Хорошо, старшина, какого хотите?

– «Золотой орех»...

– Принято. Говорите, Бремер, у меня на все – лишь пять минут!..

– Не пять, сэр, а все пятнадцать. Такие совещания начальник начинает с десятиминутной задержкой. А теперь совет – сержант Луарвик вас в кабинет не пропустит. Он здоровый, спеленает по рукам и ногам, вызовет комендантский пост, – и будет скандал.

– И что же делать?

– Вырубите его, сэр. Сбейте ударом в дыхало, и он отвалится на пару минут...

– Это... шутка, старшина?

Голос майора сделался металлическим.

– Ничуть, сэр. У нас здесь боевая обстановка, ее нужно

учитывать.

– Уфф... – покачал головой Лунц и, смахнув проступившую испарину, выскочил из приемной.

2

В гулких коридорах генштаба движение было, как на центральной улице в час пик. Лейтенанты-курьеры, выпучив глаза, неслись куда-то с чрезвычайно важными сообщениями, секретари унтер-офицеры крались в курилку с папками под мышкой и выражением крайней важности на лице. Лоснящиеся полковники тылового обеспечения поглядывали на золотые часы, они уже не раз скрывались в туалетных комнатах – от излишеств постоянно мучил понос.

Лунц еще плохо ориентировался в этой круговерти, однако где находится кабинет генерал-лейтенанта Роджерса, знал хорошо и спустя две минуты нервного бега толкнул дверь его приемной, сразу натолкнувшись на сержанта Луарвика.

– Генерала здесь нет, господин майор! – закричал сержант, расставляя руки, и Лунц с ходу врезал ему в живот, а затем, уже автоматически, дал коленом в морду, вовсе не желая как-то навредить верному секретарю.

Бедняга отлетел к столу, перевернул тумбочку с графином и, застонав, назвал кого-то сукой. Однако разбираться Лунцу было недосуг, он рисковал перед начальством собственной репутацией, поэтому сразу заскочил в прокуренный кабинет, пробежал до узенькой двери комнаты отдыха и, распахнув ее, увидел раскинувшегося на кровати генерала, который громко храпел. Рядом с ботинками на полу валялся

китель.

На столике возле зеркала стояли три опустошенные бутылки, по полу были рассыпаны конфеты, две из них раздавлены так, что вылезла розовая начинка.

Лунц сразу увидел полку, на которой находились отрезвляющие препараты, – она висела над кроватью, но едва протянул к ней руку, как у генерала Роджерса открылся один глаз.

– Добрый день, сэр... – сказал Лунц, замирая с протянутой к полке рукой, но ответа не получил.

Генерал продолжал храпеть, а его открытый глаз свирепо сверлил непрошеного гостя. Это продолжалось несколько секунд, и Лунц подумал, что генерал все еще спит. Он уже коснулся блестящего иньектора, когда Роджерс вдруг всхрапнул, сунул руку под подушку и, выхватив пистолет, направил его в лицо майору.

Лунц пригнулся, грохнул выстрел – пуля ушла в потолок. Пришлось схватить генерала за руку, чтобы вторым выстрелом он не покончил с незванным гостем.

– Тебе не взять меня, Гварнери! – завопил Роджерс и второй рукой схватил Лунца за горло.

Чтобы выбить пистолет, майор сбросил генерала на пол, однако пьяница Роджерс оказался довольно проворен, и Лунцу пришлось дважды ударить его в лицо, прежде чем удалось полностью разоружить.

– Тебе не взять меня, Гварнери! Я лучший! – не сдавался

генерал и пытался лягнуть Лунца ногой. В такой ситуации добраться до инъектора было непросто, и майору пришлось швырнуть Роджерса на кровать, чтобы тот не успел чем-нибудь вооружиться – ножом или бутылкой.

Пока генерал бился, запутавшись в простыне, Лунц схватил инъектор и вонзил его пациенту в спину. Генерал выгнулся, словно получил пулю, и, проорав «Да здравствует республика!», лишился чувств.

Лунц перевел дух, одернул китель и поправил сбившийся узел галстука. Все происходило, как в бреду, – и это престижная служба в генштабе?

Оглянувшись, он увидел под потолком отверстие от пули, – все могло закончиться плохо.

– Майор, – произнес очнувшийся Роджерс и, сбросив скомканную простыню, сел на кровати. – Как вы сюда попали?

– Ваш секретарь, сэр, сказал, что вы приболели, и я зашел, чтобы выяснить, намерены ли вы идти на совещание к начальнику штаба. Вы в состоянии?

– Разумеется, майор!

Генерал Роджерс надел ботинки, подошел к зеркалу и, взяв щетку для волос, привел себя в порядок.

Лунц смотрел на него во все глаза, ожидая какой-нибудь новой подлости, но микстура делала чудеса, и в новом Роджерсе нельзя было признать прежнего припадочного пьяницу.

Через пару минут в сопровождении Лунца генерал вышел из кабинета в приемную, где, согнувшись над столом, сидел сержант-секретарь Луарвик.

– Лу, я пошел к шефу, – бросил на ходу Роджерс, не замечая, что секретарь в ответ проскрипел, как подбитая чайка.

Уже оказавшись в коридоре, Лунц самодовольно улыбнулся, а вспомнив, как вырубил Луарвика, даже хихикнул, и на него покосился проходивший мимо офицер.

3

Лунц проводил генерал-лейтенанта Роджерса в зал совещаний и отодвинул для него стул, чтобы уж точно быть уверенным – начальник военной разведки никуда не денется.

Начштаба Штерн удовлетворенно кивнул, старый броненосец знал о заносах главного разведчика и намеренно пропускал новичка через все штабные трудности.

Знал ли он о пистолете? Возможно. А о том, что Лунц лишь чудом миновал верной гибели? Какой смысл думать об этом, когда дело сделано. Майор коротко кивнул и вышел.

В зале началось совещание, а он оказался в приемной, рядом с двумя унтер-офицерами.

Переведя дух, Лунц показал Бремеру большой палец: дескать, все получилось.

Старшина в ответ хлопнул себя по колену и покосился на Троугана, тот улыбнулся от уха до уха.

– Ну и как там было, сэр? – спросил Бремер, вставая из-за стола и выходя в проход на красную дорожку.

– О, Патрик, ты меня спас, ты меня реально спас, ведь он достал пистолет и шарахнул прямо в меня! – воскликнул майор и тотчас прикрыл рот, оглядываясь на дверь.

– Не волнуйтесь, сэр, – отмахнулся Бремер. – Там двойная звукоизоляция. Никто ничего не услышит, мы даже музыку здесь на спор пускали, и нам никто – ни полслова.

– Короче, в стене под потолком – дыра от пули! Я чуть не обделался, честное слово! Схватил его за руку, сбросил на пол, а потом уже иньектор и все такое. Эффект потрясающий! Пьяное дерьмо в момент превратилось в генерала! Я был в культурном шоке, приятель, честное слово!

– А Луарвик, сэр, что было с ним?

– Что было? Как ты и говорил, он выскочил, как наседка: руки растопырил, не пуцу, орет. Я ему в брюхо разок дал, он и согнулся, сволочь, а я быстрее в кабинет и к генералу, а дальше все по схеме...

– И у него под подушкой был пистолет.

– Что же ты сразу не сказал?

– Всего не упомнишь...

– Ладно, – понимающе кивнул Лунц и одернул китель. – Я не в обиде, свое пойло ты получишь. Завтра нормально будет?

– Нормально.

В кармане майора зазвенел зуммер интеркома. Лунц схватил серебристую коробочку, отключил сигнал и поспешил обратно в зал заседаний.

Там все выглядело так, будто он и не уходил. Генерал Роджерс задумчиво смотрел на пепельницу, генерал Фейс из политико-аналитического отдела пожевывал губами и быстро перебирал пальцами, как будто вязал шерстяной носок. Два офицера из управления ракетно-артиллерийского вооружения рисовали в блокнотах треугольники, начальник ПВО че-

сал в затылке. Рассмотреть остальных Лунц не успел.

– Джефри! – громко произнес начштаба, и Лунц вытянулся, щелкнув каблуками. – Джефри, нам требуются сигареты. Я не курю, но кому-то, возможно, придется подымить...

Начштаба посмотрел на присутствующих, но на его призыв никто не откликнулся.

– Когда в помещении дым, думается намного легче, – закончил он свою мысль.

– Слушаю, сэр! – произнес Лунц и, развернувшись, вышел в приемную.

– Что там? – спросил Бремер, вскакивая.

– Срочно требуется дым! То есть табак! Сигары, сигареты, сигариллы! – выпалил майор. – Кто у нас поставщик?

– «Юлдуз-табак инкорпорейтед». Их представитель находится в большом буфете на первом этаже, но я его сейчас вызову.

– Будь добр, дружище, а то я что-то совсем растерялся, – признался майор.

Бремер стал набирать номер по внутренней связи, а майор присел на кожаный диван для посетителей, достал платок и промокнул вспотевший лоб. А затем попытался вспомнить, сколько раз за сегодняшний день ему пришлось исходить испариной.

Ох и служба, а говорили, что быть при штабе – это теплое местечко.

– Сейчас все будет, сэр, – сообщил старшина Бремер, кла-

дя трубку на рычаг. – Можете идти к себе, сэр, табак мы и сами доставим.

– Нет-нет, старшина, я не могу, – замотал головой майор. – Я должен контролировать все, иначе босс меня... Сожрет, как трюфель.

– Тефтель, сэр, – заметил старший сержант Троуган.

– Почему тефтель?

– Начштаба любит суп с грибами и свиными тефтелями. Может съесть большую кастрюлю разом.

В дверь приемной робко постучали. Старший сержант Троуган вскочил из-за стола, но Лунц остановил его жестом.

– Не нужно, дружище, я сам! Мне так спокойнее...

Майор подошел к двери, распахнул ее и увидел военного с какими-то странными торчащими усами.

– Вы «Юлдуз-табак», мистер?

– Нет, сука, я принес тебе сдачу... – ответил военный с ненастоящими усами и саданул Лунца в живот, да так крепко, что майор отлетел метра на два, потерял дыхание и рухнул на новый палас – по триста ливров за квадратный метр вместе с укладкой.

«Главное – не спать, главное – считать до тысячи... – пронеслось в голове Лунца. Он почти потерял сознание. – Кто же это был? Кто?»

Лунц чувствовал, как движется его диафрагма, а значит, он был жив.

– Лойбонские партизаны напали на офис министерства

обороны... – пробухтел ТВ-бокс, и красивая девка с увеличенными губами подморгнула с экрана.

– Этого следовало ожидать! Жирозаменители приводят нацию к ожирению! – проорал парень с сальной физиономией и в брюках с накладками на заднице.

– Если результаты превысили ваши ожидания – воспользуйтесь ершиком...

«Откуда это взялось? Фигня, сетевой спам. Пам-пам, парам-пам...» – оценил сообщения Лунц и почувствовал, как на него накатила холодная океанская волна. Вынырнув на поверхность, он сказал:

– Ух, зараза, ну и ветер!

Но увидел перед собой старшего сержанта Троугана с графином.

– Вы в порядке, сэр? – спросил тот.

– Да, я все вижу и понимаю... А что случилось?

Майор поднялся с паласа, одернул китель, поправил галстучный узел и, наведя фокус на старшину Бремера, снова спросил:

– А что случилось?

– Луарвик, сэр. Он отомстил вам, ведь вы ударили его в дыхалку, я не ошибаюсь?

– Не ошибаешься, старшина... – после небольшой паузы ответил Лунц. – И что, мне теперь нужно пойти и застрелить его?

– Совсем не обязательно, сэр, можно вызвать наряд внут-

ренной комендатуры, и они его так отделают, что даже в мясной магазин не примут. Хотите, я их вызову?

Старшина снял трубку внутреннего телефона и чуть склонился в сторону Лунца, дескать: скажи – и Луарвик пропал.

– Ладно, пусть живет, я его потом прищучу, – сказал майор, и в этот момент в дверь снова постучали.

– Откроете сами, сэр? – спросил старший сержант Троуган, но майор вернулся на диван и махнул рукой: поступай как знаешь.

На этот раз действительно прибыл представитель «Юлдуз-табака», держа на подносе пирамиду коробок с разными видами отравы.

Лунца это не удивило, фирмачи знали свое дело и умели подать товар так, что попробуй не купи, однако рассыпанные в основании пирамиды разноцветные презервативы заставили его задуматься, и, когда представитель скрылся за двойными дверями, Лунц спросил:

– А при чем здесь презервативы?

– Иногда офицеры берут что-то для себя, – пожал плечами Бремер.

4

Фирмачи свое дело знали, этот парень в клоунском мундире, который он придумал сам, дважды обежал стол заседаний, разбросав пачки с куревом, презервативы, карандаши и почтовые марки, а потом вылетел вон, за мгновение до того, как генерал-полковник Штерн захотел его застрелить.

Хлопнула дверь, и стало тихо. Несколько офицеров закурили. Начштаба потянул носом воздух и улыбнулся, у него в голове стали появляться мысли.

– Генерал-лейтенант Рорен, какие в нашем ПВО новости? Вы по-прежнему контролируете воздушно-космическое пространство или уже нет?

– Мы по-прежнему, сэр! – сообщил, вскочив, начальник ПВО и сел, хотя даже встать было не обязательно. Но он вскочил, а стало быть, был виноват.

– Хорошо, – улыбнулся начштаба и пододвинул к себе доклад с последними сводками, сделанный альтернативными службами. – Как много у нас нарушений за последние полгода?

– Триста двадцать шесть, сэр. И это все флотилии контрабандистов. В ста двадцати восьми случаях нарушители были остановлены, сорок восемь раз их уничтожали перехватчики службы ПВО, а в остальных случаях напуганные преступники снова убегали в космос.

– Замечательно, коллега. А теперь послушаем начальника военной разведки. Генерал-лейтенант Роджерс, будьте добры отчитаться...

– Да, сэр, – кивнул Роджерс и, поднявшись над столом, окинул взглядом собравшихся.

– Вставать не обязательно, генерал, – напомнил начштаба.

– Да, сэр, но мне так удобнее, – ответил Роджерс, чувствуя, что ему нужно по малой нужде. По малой, но срочно.

– Что вам известно о нарушениях в корпоративных конфликтах, генерал?

– У корпорантов всегда конфликты, сэр! Особенно мне памятен позапрошлый год, когда...

– Поближе к сегодняшнему дню, коллега.

– Да, конечно, – кивнул Роджерс, в этот момент его слегка отпустило. – Мы имеем статистику о столкновениях корпорантов с некой третьей силой, боевые машины которой выходили на поверхность в количестве примерно полутора тысяч штук.

– Штук? – переспросил начштаба.

– Штук, – уверенно повторил генерал Роджерс.

– Хорошо, коллега, какие из этого следуют выводы?

– Выводы следуют такие, сэр: на восемь конфликтных планет был переброшен десант объемом восемьдесят тысяч тонно-кубов, а значит, мы проворонили десяток гигантских десантных транспортов.

– Этого не может быть! – воскликнул, вскочив, начальник

ПВО. – Это невозможно, сэр!

– Против фактов не попрешь, Фердинанд. Как иначе эти бронесилы могли оказаться на планетах? Вылупились из яиц, может быть? Сядьте, генерал-лейтенант.

Начальник ПВО покорно опустил на стул, а начштаба вышел из-за стола и принялся ходить вдоль устаревшей карты, жадно вдыхая сизый табачный дым.

«Пирсют», «Глория оранж», «Банановый аромат». В прошлом Штерн был активным курильщиком и извел кучу табака, пока не сумел завязать, однако, как и в прежние времена, запах табака требовался ему, чтобы сосредоточиться и заставить мысли двигаться в общем потоке – к нужной цели. Как жаль, что его подчиненных запах табака совсем не вдохновлял. Похоже, их вообще ничто не вдохновляло, кроме, может быть, пинков под зад.

– Генерал Фейс!.. Вы обещали притащить какого-то умника с мозолями на заднице! Вы его нашли?

– О да, сэр... – кивнул Фейс, поднимаясь и странно озираясь, как будто перебрал с таблетками.

– Ну так где он? На что годится этот ваш политико-аналитический отдел, если вы не можете притащить нужного спеца?! – воскликнул Штерн, которого уже достали эти мямли с золотыми погонами.

– О... Он здесь, сэр... Вот пожалуйста – капитан Вупи, из архивно-исторического отделения.

Сказав это, генерал Фейс поспешно сел и вжал голову в

плечи, а вместо него поднялся высокий сутуловатый гражданский, одетый в военный мундир с капитанскими погонами.

Форма сидела на капитане Вупи хуже, чем на корове седло, и было видно, что по форме этот Вупи одевался едва ли раз в год, а то и реже.

Ему было немного за пятьдесят, он, несомненно, редко выходил на улицу и обожал дышать книжной пылью.

– Ага, – произнес начштаба Штерн, останавливаясь и закладывая руки за спину. – А разве архивно-историческое отделение еще существует? Я слышал, его объединяли с отделением празднеств и парадов. Или я ошибаюсь?

– Объединение планировали, но оно не состоялось, сэр, – сообщил Фейс, привставая.

– А почему?

– «Праздники» не нашли места под архивы, сэр, а это восемьсот тонно-кубов...

– Э... Это в тоннах? – уточнил Штерн.

– Это в кубах, сэр.

– Понятно, – кивнул начштаба и снова принялся ходить вдоль карты. – Итак, капитан, что вы накопили среди этих своих восьмисот тонно-кубов? Есть ли там какие-нибудь важные для нас сведения?

– Да, сэр, я полагаю, что это вас заинтересует... – нараспев произнес капитан Вупи.

Все присутствующие тотчас прекратили рисовать в блок-

нотах и посмотрели на него. Вупи был единственным среди собравшихся, кто не боялся начальника штаба. По глупости, конечно.

– Вы можете сесть, капитан Вупи, так вам будет удобнее.

– Да, сэр, разумеется.

Долговязый Вупи сел, раскрыл старую картонную папку и, откашлявшись, прочел:

– «На исходе вторых суток саткембо нороздулло продолжали преследовать наш корабль, в точности повторяя его траекторию и экономя энергию на разности плотностей породы. Мы шли по целине, аннигилируя булыжники, а они – по взрыхленной пашне, стремясь приблизиться к нам на верный выстрел анестезионной торпеды...»

– Стоп-стоп-стоп! – поднял руки Штерн. – Это что за народные песни, капитан? Где это? Кто это и когда покупать билеты?

За столом сдержанно засмеялись.

– Сэр, я читаю вам переведенные мною записки капитана десантного судна, который пытался оторваться от наседавших на него саткембо нороздулло и доставить десант в указанный район. Он выполнял приказ, сэр.

– Ладно, а где все это было? Откуда ты все это взял?

Штерн подошел к столу и протянул руку, а Вупи, после недолгого замешательства, подал ему лист сухого древнего пластика с острыми краями.

Начштаба с полминуты изучал нагромождение знаков, по-

том посмотрел на Вупи и сказал:

– Но ведь тут какая-то белиберда! Это же просто значки, их невозможно перевести!

– Это иероглифы, сэр. Сонические иероглифы. Мы с коллегой Близдероном сумели их расшифровать. Даже программу составили – исполнение восемьдесят процентов.

– Восемьдесят процентов, – повторил генерал-полковник, глядя на испещренный незнакомыми значками лист. – А ведь мне докладывали, что это никакой не текст, а просто значки... Кто докладывал?!

Штерн обвел строгим взглядом притихшее штабное сообщество, потом один из генералов поднял руку и проблеял:

– Это был генерал Хорхе... Его уволили полгода назад за растрату по графе канцтоваров.

– Да, точно. Отдел стратегического прогноза... – кивнул Штерн. – Просто значки, «не имеющие текстового смысла и играющие роль оформительского дизайна в рамках понимания того времени». Я помню его отчет весь до точки, и жаль, что Хорхе теперь в войсковой тюрьме, я с удовольствием дал бы ему в морду. С удовольствием.

Штерн вернул капитану пластиковый лист, вернулся на свое место во главе стола и, произведя рукой в направлении Вупи широкий жест, сказал:

– Продолжайте, капитан, мы вас слушаем...

5

Начштаба продержался еще с четверть часа, слушая это отстраненное повествование, но в конце концов все же остановил докладчика:

– Стоп, капитан! Требуются кое-какие уточнения...

– Конечно, сэр, я готов дать любые пояснения.

– То есть, Вупи, ты полностью в теме?

– Я делал этот перевод полгода, сэр. Я и коллега Близдерон.

– Ну, Близдерону особая благодарность, передавай привет и все такое, однако поясни нам, что это за блюдо – «саткембо нороздулло». Я правильно воспроизвел?

– Да, сэр, с моих слов – правильно, но, возможно, носители языка транскрибируют фонотему «нгу» как «бхори-бота», и тогда «нороздулло» будет звучать как «каперсмут» или «зеглезе». Но это уже фонетический радикал, и я предпочел бы его не использовать, поскольку эффект его исполнения маловероятен...

– Стоп, капитан! – хлопнул по столу Штерн, и в зале воцарилась такая тишина, что слышно было, как происходит диффузия между металлами в подставке для карандашей. – Давай без этого словесного гомосексуализма. Я его по три раза на дню слышу от своих подчиненных, поэтому остановимся на первом варианте.

– Саткембо, сэр?

– Да, вполне нормальный вариант. Но что это значит?

– Саткембо – это шарпезон. По-нашему, среднетоннажный сфероид.

– И чего этот шарпезон?

– Он преследовал плармуттал фризонтал, чтобы уничтожить его и не дать возможность высадить десант. Гонка продолжалась четверо суток.

– И что?

– Ну, из данного документа мы узнаём, что капитану удалось оторваться от преследователей. Позже он составил эту поэму и даже получил новый чин, название которого, к сожалению, не произносится.

– Почему не произносится?

– Потому что невозможно произнести два важных бета-звука, которые извлекаются с помощью гроа – подъязыкового отростка.

– Ладно, оставим это, давайте по существу, господин капитан, – сказал Штерн, чувствуя легкое головокружение.

– А по существу уже все, сэр, записки этого капитана были довольно коротки.

– Куда же он делся потом?

– Возможно, погиб в бою. Та война была очень затратной, помимо бесчисленного количества муглов там гибли лучшие представители нороздулов и фризонталов.

Капитан Вупи держался свободно, он жестикулировал и

моршил свою гражданскую физиономию, в то время как окружающие его высшие офицеры не могли понять, о чем говорит этот Вупи и в чем смысл его бесед с начальником штаба.

– Хорошо, капитан, давайте начнем с простого – шарпезон нам известен, и это очень хорошо, а вот нороздул и фризонтал? Они кто или что?

– Нороздул и фризонтал, сэр, – это две гегемонистические нации, которые на момент повествования сцепились в смертельной схватке.

– Э... А что это за дурацкие названия? Откуда эти нации?

– Ну, тут мы с коллегой Близдероном слегка разошлись во мнениях. Мы по-разному истолковываем фонотему «брюк», особенно во второй и четвертой ее семантических производных.

– Давай без этого гомосексуализма, капитан, – покороче и попонятнее, а то у меня генералы уже животом маются от твоей неожиданной грамоты.

– Да, сэр, конечно, – кивнул Вупи. – Согласно моей собственной теории нороздул переводится как «прибывшие со звезд», а фризонтал – «зародившиеся в туманности».

– Марсиане, что ли?

– В каком-то смысле, сэр. Они – не мы, они – другие.

– А кто же тогда мы, если они тут все уже истоптали?

– Муглы...

– Чего? – не понял Штерн.

– Мы – это муглы, если угодно – кнехты большой войны.

– Кнехты – это плохо?

– Не то чтобы плохо, сэр, но второй сорт.

– Ага... – произнес Штерн и замолчал. Ему требовалась пауза, как и многим сидевшим за этим столом. Они были готовы к нагоньям, к угрозам увольнения и даже помещению в войсковую тюрьму, где давали кисель с искусственными ягодами, но такое...

– Ладно, капитан, расскажи нам, за кого воевали муглы, то есть мы.

– Муглы воевали за обе стороны, сэр. Они были главным расходным материалом войны. Если нороздулы и фризонталы гибли сотнями тысяч, то муглы погибали десятками миллионов. Их никто не считал, я повторяю – это был расходный материал.

Начштаба вздохнул, потом вышел из-за стола и отошел к окну посмотреть на туманный ландшафт большого города, эта панорама помогала ему справиться с разрушительными мыслями.

Попадись ему сейчас нороздул или фризонтал, он мог бы порвать их голыми руками. Попранная гордость мугла взыграла в нем, она жгла его изнутри и требовала отмщения.

6

Немного успокоившись, начштаба разрешил капитану Вупи продолжить доклад.

– Вы уверены, сэр? – на всякий случай уточнил Вупи.

– Давайте дальше, капитан, насколько мы поняли, сфериды – это реальность, правильно?

– Так точно, сэр, реальность.

– Откуда же им взяться теперь, когда эти сукины дети друг друга укокошили?

– Они не укокошили, сэр, они вернулись в собственные миры, чтобы зализывать раны и копить силы. То же было и после Куда-Мамбору-Кул...

– Ни хрена себе, – произнес генерал-полковник, как бы предугадывая новые потрясения. – Это еще что такое?

– Это конфликт семисотлетней давности, сэр, когда гегемонистические нации столкнулись без широкого применения муглов, об этом сообщает всеобщий документ «мнуни-корп».

Вупи порылся в папке и разложил на столе карточный домик.

– Это что за фигня, капитан? – спросил Штерн, однако без прежней военной агрессии. – Что за игрушки?

– Это не игрушки, сэр, это негодромы. Что-то вроде карточных домиков, являющихся законченными трехмерными

информентами. Как вы их ни разрушаете, а они – вот пожалуйте!

И Вупи продемонстрировал, как заваливается его картонный домик.

– Первоначальная структура восстанавливается без изменений – вуаля!

Он за что-то дернул, что-то потянул, и картонный домик снова воспрянул, как будто не был разрушен.

– А смысл, Вупи? – спросил Штерн, полностью погружаясь в тему.

– Первоначально они изъяснялись на банальной линейной скорописи, сэр, однако для полноты сообщений были вынуждены перейти на трехмерную структуру – негодромы. Но позже, в силу неизвестных пока причин, перешли на скалопитек – трехмерную клинопись иероглифов.

– То есть ту хреновину, что ты нам сегодня переводил?

– Именно так, сэр.

Начштаба прошелся вдоль одной стены, потом нагнулся и поднял с пола оброненную кем-то авторучку.

Все, что он знал до этих пор, все, чем он жил, казалось теперь полной чепухой – помоями, в которые превратилось ресторанное меню.

– Вупи... Капитан Вупи, что написано в ваших переводах относительно муглов? Когда они стали воевать за тех и за других?

– Как только стороны освоили их быстрое воспроизвод-

ство, случился настоящий бум – муглов стало достаточно для большой войны. За четыреста лет нороздулы и фризонталы окончательно развили их воспроизводство, после чего выращивание одного мугла до военнообязанного возраста стоило всего полтора триулия.

– Полтора триулия? А можно это перевести на наши деньги?

– Невозможно, сэр.

– А почему?

– Триулий – трехмерная единица.

– Правда?

– Правда...

– Гомосексуализм какой-то, – после паузы произнес Штерн и снова сел за стол. – Значит, что мы имеет в остатке, капитан Вупи? Где нам искать сфероиды, которые возят сотни бронеединиц и высаживают их, где им заблагорассудится?

– Сэр, вас интересуют выводы из переводов или мое личное мнение?

Вупи впервые отбросил свою папку, он смотрел на генерал-полковника не мигая.

– Давайте, Вупи, ни в чем себя не ограничивайте...

– Сэр, я считаю, что эти твари решились на очередную войну, но для этого им нужно сбросить с планет бывших рабов – муглов.

– То есть нас?

– То есть вас. То есть да – всех нас. Для этого они активизировали свои подземные базы, на которых находятся миллионы боевых единиц, которые и развозят десантные сфероиды.

– Они что же, под землей, как подлодки, шныряют?

– Для них твердая порода не помеха, сэр, в архиве есть описание их схваток на Полонезе, планете, состоящей из легированной стали. И ничего, сфероиды ходили ровно, а дреноторпеды легко скользили сквозь породу, так что здешний рыхлый грунт для них как для перехватчиков туман – слегка трясет, но мишень видно отчетливо.

– Значит, никаких внешних поставок на планеты не было?

– Не было, сэр. По крайней мере массовых.

– А я о чем говорил! – подал голос начальник ПВО.

– Заткнись! – бросил ему Штерн. – Каким же ресурсом располагают эти мерзавцы, капитан? Сотни тысяч, миллионы?

– Трудно сказать, сэр. Но проблем с обеспечением они не имеют. Подземные базы создавались сотни лет назад, там есть все, кроме муглов.

– То есть нас?

– То есть нас.

– Но теперь мы не сдадимся, правильно?

– Как скажете, сэр. Но, на мой взгляд, наши бывшие господа крайне удивлены тем, что, пока им было не до нас, мы захватили все их планеты, расплодились на них и даже зай-

мели собственные вооруженные силы.

– Вот незадача! – хохотнул Штерн.

– Им и в голову не приходило, что муглы не только самостоятельно выживут, но и воспользуются всем, что супернации с любовью готовили для себя.

– Мерзавцы!

– Вот именно, сэр.

На столе зазвонил телефон – старомодный прибор с изогнутой ручкой и витым проводом. Собрание затихло, а начштаба взял трубку и сказал:

– Слушаю... Да, очень хорошо... Ну, разумеется...

И положил трубку на рычаг. Потом немного рассеянно посмотрел на присутствующих и произнес:

– Все, кроме членов специального совета, свободны...

Двадцать высших офицеров разом поднялись и, злорадно посмеиваясь над «застрявшими в совете», поспешили к своим обязанностям, к разболтанным подчиненным и свежему воздуху.

Генерал Роджерс даже не шелохнулся – мочевого пузыря его больше не беспокоил.

Казенный подрядчик генерал-инженер Шпалерный нервно жмурился и что-то шептал – должно быть, выученный наизусть отчет.

Начальник ПВО Рорен привстал и одновременно поднял руку, как робкий ученик.

– Прошу прощения, сэр, но я не постоянный член. Может, мне уйти?

– Нельзя, Фердинанд. Ситуация складывается хреновая – без вас никак, – сказал начштаба и, подойдя к окну, приложил пальцы к прохладному стеклу. На улице начинался

дождь, а это значит, будет сырость и грязь на обочинах шоссе, зато не будет пыли и межсезонных ветров.

– Желающие могут закурить, – сообщил Штерн и, не поворачиваясь, добавил: – А некоторые воспользоваться моей туалетной комнатой...

Генерал Роджерс размышлял всего пару секунд, а потом оттолкнул стул и побежал в боковую дверь.

С одной стороны, он был рад, что решит такую насущную проблему, а с другой – испытывал неловкость от мысли, что старина Штерн знал о нем все. Или почти все. По крайней мере, про Джанет – наверняка.

В двери зала постучали, но не успел Штерн отреагировать, как они открылись и появился помощник Лунц, слегка смущенный.

– Прошу прощения, сэр, но тут прибыли люди из СГБ...

– Пусть пройдут, я жду их, – кивнул Штерн, вздыхая. Он не любил СГБ. Их не любил никто, но, возможно, теперь, в этой тревожной ситуации, их присутствие стало бы обоснованным.

В зал вошли четверо молодых людей в общевойсковых мундирах без знаков различия. Штерн уже знал, что это для поддержания режима секретности.

Не обращая внимания на присутствующих, эти четверо разошлись по сторонам, тщательно сканируя все вокруг похожими на пылесос приборами – они искали турборидеры и аудиозакладки тайных врагов. Но, ничего не найдя, с разо-

чарованными физиономиями вышли вон, а вместо них в зал вошел генерал Джоук с помощником – полковником Сазерлендом.

– Здравия желаю, сэр, – произнес Джоук и как-то странно дернул головой.

– Здравия желаю! – четко произнес его помощник и кивнул.

– Присаживайтесь, господа, – сказал Штерн, приглядываясь к бледному Джоуку. Может, приболел?

Не успели гости сесть, как двери распахнулись и появился второй генерал Джоук – бодрый, румяный и не бледный!

– Отличная работа, коллега, можешь убираться! – воскликнул он и, обойдя длинный стол, пожал удивленному Штерну руку.

– Здравия желаю, господин начальник штаба! Извините за этот маскарад – служба!

Тем временем тот Джоук, который якобы приболел, сдернул с головы целлулоидную маску и удалился.

– Что это значит, коллега? – спросил Штерн.

– Требования безопасности, сэр, – снова улыбнулся Джоук, считавший себя почти ровней начальнику штаба. – Вчера мы уничтожили вражеского агента, которого до поры считали своим товарищем. Одиннадцать лет считали товарищем, пока не выяснилось, что это ужасная машина смерти. Они убил троих и еще двоих покалечил – голыми руками, без какого-либо оружия.

– Это ужасно.

– О да, сэр, но это наша сегодняшняя действительность. Я не был уварен, что и у вас в совете не сидит какой-нибудь тайный убийца, поэтому был вынужден пустить вначале двойника. Вы заметили подмену?

– Не то чтобы заметил, – признался Штерн, садясь за стол, – подумал, что вы бледны и слегка нездоровы.

– Еще раз прошу прощения, сэр, а теперь перейдем к нашим делам.

Джоук уселся на свободный стул рядом с полковником Сазерлендом. Они одновременно открыли одинаковые папки и принялись перекладывать какие-то документы.

– Итак, сэр, полагаю, тут присутствуют все, кто может помочь нам сведениями из своих департаментов? – уточнил генерал Джоук и посмотрел исподлобья на присутствующих.

– Если потребуется вызвать кого-то дополнительно, мы сделаем это незамедлительно, – заверил его начштаба. – Продолжайте, генерал.

– Итак, я хочу вернуться к ролику Антверпена... Мы можем посмотреть?

– Конечно. Будьте добры, покажите ролик Антверпена! – громко произнес Штерн, и тотчас на окна стали опускаться плотные шторы, а на белой стене замелькали метки проектора, запустившего тот самый «ролик Антверпена» – съемки частного путешественника-миллиардера, который на собственные средства организовывал познавательные экспеди-

ции в дальний космос.

Сам Штерн видел этот ролик десятки раз, то восторгался, то ужасаясь его содержанием, а позже и вовсе зевая. Но теперь он смотрел на эти примелькавшиеся кадры по-новому, пытаясь увидеть их глазами генерала-лейтенанта Джоука, которого, если честно, слегка побаивался.

Да, должность Штерна была значительно выше, но у СГБ имелись такие возможности, о которых лучше было не думать.

СГБ знала все обо всех офицерах генштаба, тому были примеры, хотя сбором сведений должны были заниматься контрразведка и служба внутренней безопасности.

Но! Контрразведку и СБ Генштаба Штерн мог прижать к ногтю, а Служба Глобальной Безопасности отчитывалась только перед премьер-министром.

Однажды, крепко напившись, Сэм Роджерс – начальник военной разведки и бывший однокашник Штерна – предложил ему ликвидировать Джоука. Прямо в кабине начштаба так и сказал: «А что, Клаус, я вижу, тебе этот крысеныш не по нутру. Хочешь, он исчезнет с концами?»

Штерн прекрасно помнил, что почувствовал в тот момент. Страх! Да, страх, потому что не было никакой гарантии, что СГБ его не прослушивает, но прежде страха он ощутил кратковременный восторг, на долю мгновения представив, что Джоука больше нет. А что? Роджерс – старый пьяница и забияка, прослуживший в спецназе тридцать лет, ему такие де-

ла – как соленые орешки. Будучи молодым лейтенантом, он пришел на должность рядового, потому что там иначе было нельзя – погоны не имели значения, пока ты не показал себя.

Наверное, он убил пятьдесят мятежников, а может, и сто, Штерн об этом старался не думать, но спустя три года Роджерс командовал сводным батальоном спецназа и солдаты называли его батей.

А это повыше, чем генерал.

Позже «батя» сломался, начал пить и едва не вылетел по сокращению, но Штерн вовремя его подхватил, о чем пожалел, когда Сэм Роджерс стал уходить в запой прямо под крышей Генштаба.

В тот раз Штерн сказал ему: да прекрати нести чепуху, Сэмми! Что-то в этом духе, точно Штерн не помнил, поскольку больше думал о том, достаточно ли искренне звучит его голос в динамике генерала Джоука.

«Да прекрати нести эту чепуху, Сэмми!»

Одно время он ждал, что с Роджерсом что-то случится, это стало бы явным знаком, что СГБ слушала его кабинет, но Роджерса никто не трогал, а значит, кабинет не прослушивали или на старого пьяницу просто наплевали, снова провоцируя Штерна на какие-нибудь выступления.

8

Сначала съемка велась дальномерным радиосканером, поэтому красок было мало и рядом с объектами, словно мошки, скакали точки радиопомех. Потом, по мере приближения, картинки стали более узнаваемы – съемку делали электронно-оптическими системами.

Вытянутые корпуса огромных кораблей, снующие вокруг них катера и дроиды. Это определенно были технические средства разумных существ, хотя временами их силуэты размывались, ведь съемка проводилась с расстояния в несколько сотен километров.

Что-то терялось и восстанавливалось спецпрограммами дешифровки, что-то и вовсе додумывалось умным кинокомпьютером. В какой-то момент интуиция подсказала оператору, что его вот-вот засекут, и он прекратил съемку, однако продолжил ее вблизи спутника планеты с длинным цифровым обозначением.

К самой планете косморазведчик не сунулся и правильно сделал, однако и того, что он увидел на этом спутнике, было достаточно: многочисленные ангары, дороги, передающие мачты, агрокупола и фабричные комплексы.

Собрав всю необходимую информацию, этот везунчик вовремя смылся и не был засечен местными спутниками. Благодаря такому везению генштаб и располагал этим ценным

видеодокументом.

Позже появилось и множество других, но он являлся основным, так сказать, первым предупреждением.

– Итак, господа, это было начало, – подвел итог Джоук, когда экран погас и шторы на окнах стали подниматься. – Затем министерство потратило много времени и средств, чтобы выяснить, кто обитает на этих участках пространства. Путь зонда в один конец занимал три года, многие из них уничтожались на месте потенциальным противником, однако в конце концов мы узнали, что куст планет «Эрбетта» колонизирован и густо заселен. Там имелись огромные производственные площади, на которых велось активное строительство военных кораблей.

– И нам пришлось дать соответствующий ответ, – вмешался Штерн, чтобы Джоуку не казалось, что у него сегодня бенефис.

– Так точно, сэр. Последние семь лет мы ведем активное строительство военных кораблей, и мне бы хотелось услышать от уважаемого генерала Блюмена, как идут дела и какие у нас перспективы...

Военный строитель, генерал-инженер Шпалерный, пригладил рукой жидкие волосы и, переведя дух, поднялся.

– Сидите, Шпалерный, докладывать можно сидя, – сказал Штерн, напоминая Джоуку, кто здесь хозяин.

– Казенное предприятие «Габриэль» ведет строительство военных кораблей совместно с двадцатью четырьмя строи-

тельными подрядчиками.

Шпалерный откашлялся, посмотрел на Штерна, потом на Джоука и, перевернув перед собой страницу доклада, продолжил:

– За все время удалось возвести триста двадцать четыре черновых корпуса, из них до второй категории доведено шестьдесят четыре, до третьей с силовыми элементами – тридцать восемь, на отделке и отладке двадцать восемь кораблей, полностью готовы семнадцать.

– А по категориям? – уточнил Штерн, снова напоминая Джоуку, что тот в гостях у начштаба.

– Из готовых кораблей десять ударных крейсеров, шесть эсминцев и две базы артподдержки.

– А десантные корабли, генерал Шпалерный? – уточнил Джоук.

– Семь десантных кораблей находятся в разной стадии достройки, сэр, но в течение полугода все они будут готовы.

– Какова их вместимость?

– На них можно перебросить тридцать пять тысяч бронированной пехоты или десять тысяч средних роботов.

– А что мы можем сделать десятю тысячами роботов, сэр? – спросил Джоук, обращаясь к Штерну.

– Ну, учитывая, что теперешние двигатели позволяют нам добраться до места не за три года, а за шесть месяцев, и то, что передовые базы противника теперь вдесятеро ближе к нам, чем раньше, мы можем захватить целый планетный сек-

тор, ведь передовые базы – совсем не то, что заселенная планета.

– Вы считаете, это реально, сэр?

– Пока не ударим, мы не узнаем, насколько это реально, генерал Джоук, – заметил Штерн, вертя в руках карандаш. Понемногу он обретал уверенность. – Но если премьер-министр отдаст приказ спланировать операцию, мы это сделаем в кратчайшие сроки. Кое-какие наметки у нас уже имеются, и на всякий случай мы рассчитываем несколько вариантов. В том числе и с полной мобилизацией всех имеющихся сил.

– Приятно это слышать, сэр. Как офицеру и как гражданину.

– Это наша работа, генерал, планирование операций. А что у вас со шпионом? Вы говорили, есть потери?

– Увы, сэр, этот офицер оказался одним из... нороздулов или фризонталов. В тонкостях мы пока не разбираемся. Он три года работал в одном из центральных отделов службы и попался, представьте себе, на прохождении флюорографии.

– Это рентген, что ли? – спросил Штерн.

– Именно так, сэр. Мы ежегодно проводим диспансеризацию – здоровье персонала для нас является важным фактором работоспособности службы, и этот молодец три года подряд сдавал одну и ту же флюорограмму.

– То есть как это?

– Он имел совершенно иное, чем у нас, строение и, чтобы скрывать это, наклеивал на тело специальную пленку с

заготовленной человеческой картинкой. Неизвестно, сколько бы он морочил нам головы, если бы не рентгенолог. Он заметил, что все флюорографические снимки этого офицера абсолютно идентичны, без единого изменения. И тогда мы шпиона взяли. В смысле – попытались взять, однако он погиб от бронебойной пули, его уничтожил обученный снайпер. Однако перед этим он убил троих оперативников и еще двух сумел покалечить. Впрочем, об этом я вам уже докладывал. Но вы не поверите, сэр, он дырявил наших людей голыми руками, как будто у него были ножи, а не руки!

– Не может быть! – поразился Штерн. – Это какой-то ужас!

– Может, сэр, увы! С этим феноменом нам еще предстоит разобраться.

Помощник директора СГБ придвинул ему документ, и тот кивнул.

– Тут мне полковник напоминает, что один из этапов проверки уже состоялся на борту строящегося крейсера «Джим Браун».

– Прошу прощения, сэр, – поднял руку начальник военного строительства. – «Джим Браун» теперь полностью готов, на следующей неделе входит в строй.

– Ну и замечательно, – сказал директор СГБ, а начштаба одобрительно закивал, чтобы поддержать военного строителя.

– Замечательно, что крейсер входит в строй, господа, тем

более что на его борту имеются помещения для десантных и абордажных команд, а также изоляторы для военнопленных, обладающих особыми возможностями. Один из захваченных субъектов был помещен в такой изолятор, а затем его слегка разозлили, и он начал бросаться на стены и царапать их, оставляя довольно заметные борозды.

– А что там были за стены? – спросил Штерн.

– Алмазный пластик, сэр.

– Значит, это объясняет, как ваш шпион пробивал руками живых людей?

– Так точно, сэр.

– А что по событиям на хребте Малленберг?

– Э-э... – Джоук слегка смутился, он был уверен, что начальнику штаба об этом никто не докладывал. – Пока что мы ведем расследование, сэр, чтобы предоставить вам полный доклад...

– И все же, генерал, какие предварительные данные?

– Группа субъектов десантировалась на погранично-контрольную базу с оригинального летательного аппарата – мы назвали его дисколетом. Никаких запросов о помощи пограничники не отправляли. Видимо, противник воздействовал на них каким-то излучением.

– Излучением?

– Это лишь предположение наших аналитиков, сэр.

– А по-моему, это фоновое би-излучение, – обронил генерал Роджерс. Он будто разговаривал с самим собой. – Два-

дцать лет назад мы сталкивались с подобной байдой и даже сбивали этот... дисколет?

Он повернулся к Джоуку, и тот был вынужден кивнуть.

Джоук никого не боялся, а вышестоящих начальников просто презирал, но испитое лицо Сэма Роджерса внушало ему... нет, не ужас, а какое-то неконтролируемое почтение. Уважение? Да! Джоуку было трудно признаться себе в этом, но к генералу Роджерсу он испытывал именно уважение.

В СГБ на этого пьянчугу имелось досье из тысячи двухсот страниц, при том что свалить любого из генералов можно было папкой страниц в двести.

Но только не Роджерса.

Пожалуй, Джоук решил бы на это лишь в том случае, если бы Роджерс попытался лично убить его.

Джоук улыбнулся своим мыслям и вздохнул.

– А что тут смешного? – спросил генерал Роджерс.

– Ничего, генерал, – ответил Джоук. – Я улыбался на другую тему.

– На какую же? – привязался пьянчуга.

– Орбитальная огневая поддержка...

– А, это другое дело! – кивнул Роджерс и тоже улыбнулся.

Деятельность службы, контролирующей орбитальную артиллерию, давно уже стала всеобщим анекдотом. Приданные первоначально департаменту прогнозов погоды, они так и не стали военной структурой и часто делали ошибки, нанося удар не по тем и не когда следовало.

– Но что касается би-излучения, то мы испытали его на собственной шкуре, – заявил Роджерс. – Я тогда командовал ротой спецназа, и мы вычислили место вынужденной посадки одного дисколета. Это было на голых холмах, кругом трава и ни одного кустика, чтобы укрыться. И вот нам поступило сообщение: высота такая-то, приземление неопознанного объекта, извольте взять штурмом и доложить. Как оказалось, их сбили экспериментальной лучевой пушкой, которой для этого требовалась целая электростанция. Ну сбили и сбили, как говорится, хрен с ней, но, когда мы стали к этой байде подбираться, сверху прошел еще один дисколет, и все мы будто погрузились в наркотический сон, выйти из которого смогли лишь десять человек из всей роты. У остальных сварились внутренние органы, а из выживших половина ушла в отставку.

– Но как вы поняли, что это би-излучение, генерал? – спросил Джоук.

– У нас был один дурачок – это мы его так называли, Джозеф Собесский. Парень откровенно тупой, писать не умел, знал десяток букв, но из плазменного «роша» стрелял из любых положений. А «рош», извините, это сто миллиметров и три гранаты в магазине. Так вот этот самый Собесский, теряя сознание, засадил в брюхо дисколета все три, после чего свалился, но и дисколет рухнул через триста метров. Когда мы пришли в себя, то вызвали подмогу и побежали к этой байде. В ней сидел один только пилот, десант был уничтожен

гранатой, но на внешней подвеске мы обнаружили би-излучатель, который, как позже выяснили эсгэбэшники, поливал нас этим излучением. Если бы они мне ничего не сказали, я бы тут не орал про би-излучение. Вы об этом что-то слышали?

– Что-то слышал, генерал, – вынужденно согласился Джоук. – Что-то слышал.

– Ну вот и вся любовь! – сказал Роджерс обращаясь к начштаба. – Гарнизон горной базы на Малленберге положили излучателем, а потом пошла общая канитель. Странно еще, что об этом кто-то узнал, ведь департамента специальных операций уже нет.

– Департамента, может, и нет, генерал Роджерс, но управление спецопераций все еще имеется, – возразил Джоук. – И в этом случае они хорошо справились с поставленной задачей, сумев не только вернуть нам погранично-контрольную базу в горах, но и уничтожить вражеский десант, а также подбить дисколет.

– Прямо так и подбили? – не поверил Роджерс.

– Повредили. После чего противник переместил машину на одну из горных вершин, где она была уничтожена средствами орбитальной группировки.

– А смысл? Зачем было убивать подстреленную машину? – вмешался начштаба.

– Увы, – развел руками генерал Джоук. – Спецгруппа вызвала огневую поддержку, а те, без выяснения деталей, вы-

дали по полной мощности и так саданули по вершине, что мы не собрали потом ничего крупнее вишневой косточки.

Рядом с казенным подрядчиком сидел майор в тесноватом мундире с лоснящейся бритой физиономией. Посещение подобных совещаний было для него в диковинку, поэтому он слегка волновался, покручивая на пальце массивную золотую печатку. Однако чувства достоинства не терял, поскольку являлся посредником, присланным одним из крупнейших частных подрядчиков министерства обороны.

– Майор Армстронг, как вам у нас? – спросил начштаба, чтобы немного отвлечься. – Не слишком мы тут мудрствуем? Все же чиновники не чета вам, бизнесменам.

– Нет-нет, сэр, все в порядке.

– В таком случае ответьте на несколько вопросов, мои и генерала Джоука.

– Я готов, сэр, – кивнул майор, оставляя печатку в покое и порываясь встать, но сидевший рядом генерал придержал его, и майор опустил на место.

– Итак, ваша компания подрядилась выполнить заказ правительства на строительство пятидесяти тысяч боевых аппаратов воздушно-космического применения. Правильно?

– Так точно, сэр, – кивнул майор.

– Какие типы машин вы взяли из изготовить?

– Э-э... Тип три, сэр, перехватчик. Названия пока нет, на данный момент существует... Существует эксперименталь-

ная модель, которая хорошо себя зарекомендовала. Оснастку мы уже монтируем, потому что государственная комиссия дала добро на производство именно этой машины.

Штерн посмотрел на Джоука, тот пожал плечами.

– Нет, правда хорошая машина! – воскликнул майор. – У нас есть заключение комиссии!

– Мистер Армстронг, – вмешался Джоук. – Вот тут у меня имеется специальная выписка...

Директор СГБ положил перед собой какой-то листок и прихлопнул его рукой, заставив майора вздрогнуть.

– Тут написано, что во время стрельбы из электроразгонной пушки... Есть такая?

– Это г... гаусс, сэр. Автоматический гаусс.

– Снаряды этой вашей пушки были нестабильны – кувыркались.

– Э... это мы исправим, сэр, э... это механик напутал – соленоиды соединил неправильно! Честное благородное, у нас на стенде такая же пушка стреляет исправно! Честное благородное, можете приехать и посмотреть!..

– Тогда к чему это заключение комиссии, вы их что – напоили?

– Что вы, сэр! Их заключение относится к аэродинамике машины и ее мощностным характеристикам!..

– Как насчет проблем с герметичностью? – задал вопрос начштаба и откинулся на спинку кресла, ожидая истерики майора.

– О, сэр! Этой проблемы не существует!..

– А вот ваши конкуренты из «Андаро Инк» утверждают, что у них имеются доказательства разгерметизации кабины вашей модели в космосе. Якобы даже возникла угроза жизни пилотам-испытателям.

– Прошу прощения, сэр, не пилотам, а только одному – Спансеру! Он был уволен из нашей компании за постоянные прогулы и связь с секретаршами секретного архива. После того как его вышвырнули, он переметнулся к «Андаро», и уже потом появились эти откровения про взрывную разгерметизацию.

– Взрывную? – переспросил Джоук. – Я слышал, при взрывной разгерметизации погибают кролики!

– На стендовых испытаниях – да, сэр, но только не в космосе. Чтобы создать взрывную разгерметизацию, нужно очень постараться и в одно мгновение снести у машины полкабины. Однако такое невозможно, это предусмотрено системой безопасности перехватчика.

– Хорошо, достаточно про тип три, – сказал Штерн. – Поговорим о другом типе.

– Тип два, сэр. Штурмовик. В основу этой машины положен хорошо зарекомендовавший себя штурмовик. На данный момент построено более двух с половиной тысяч. Мы наращиваем производственные мощности, чтобы выпускать по пять тысяч бортов в месяц.

– Прекрасно. Значит, тут проблем нет?

– Нет, сэр. Машина, как я уже заметил, базируется на отлаженных схеме и компоновке. Проблем нет.

– Что у нас еще?

– Тип один, сэр. Сборный. Тут у нас эвакуационные борта, аппараты фронтовой разведки и абордажные боты.

– И что с ними?

– С ними порядок, сэр. Понемногу собираем. Быстрый поток наладить невозможно – слишком сильно различаются спецификации, но у нас план в полторы тысячи, его мы выполним без проблем. Вся оснастка для производства имеется.

Начштаба сделал паузу, потом посмотрел на Джоука, тот опять пожал плечами.

– Хорошо, все свободны. Даже полковник Сазерленд.

Сидевшие за столом офицеры поднялись и вышли из зала, остались только Джоук и Штерн. Какое-то время они сидели молча, потом Штерн спросил:

– Ну и что у вас имеется на этот балаган?

– Немного, сэр. Какие-то мелкие хищения, секс на работе...

– Значит, чисто?

– Ну... – Джоук покачал головой. – Наверняка сказать никогда нельзя, но пока относительно тихо. А что там с «Люустерским доком»?

– А что с ними?

– Они выполняют объемы?

– Вроде выполняют, если только не подкупили казенного зрителя генерал-майора Эйсмарха... Не подкупили?

Начштаба ждал ответа, но директор СГБ тупо тарасился на поверхность стола, как будто у него выбило предохранитель.

– Так что?! – повторил Штерн.

– Нет, сэр, он подсматривает в уборной за соседкой, но к государственной измене это не имеет отношения.

– Это все?

– Ну... – Джоук вздохнул. – Он и его садовник...

– О ужас!

– Увы, сэр, всякое случается.

– Надеюсь, меня-то вы не пасете, генерал-лейтенант Джоук? Я тут вчера свою собаку угостил котлетой. Вы никак это не используете, я надеюсь? Не свяжете меня с собакой и все такое?

– Нет, сэр, за вами нет никакой слежки, – соврал Джоук. – Кормите вашу собаку, как посчитаете нужным.

– У нас еще встреча с инсайдерами.

– Я помню, сэр. Когда вы им назначили?

– Через три дня. Они как раз возвратятся со своих дальних стапелей...

– Этим стапелям столько лет, что... – генерал Джоук неодобрительно покачал головой. – Очень уж жадны эти инсайдеры.

– Экономны, – согласился Штерн. – Но личности они

очень основательные, если что обещают – слово держат. Это мне в них нравится.

– А чего им самим на эти стапеля мотаться, объемный трек перегнать нельзя было?

– Вот! – начштаба поднял кверху указательный палец. – Возможно, нам с вами трека было бы достаточно, но инсайдеры считают иначе. Им важно лично забраться на стапеля, ощупать все это железо руками и принять верное решение.

– Руками? Это в космосе, сэр? – едва удержался от усмешки Джоук.

– Ну, в космосе только в скафандре, конечно. Хотя...

– Это вы про те слухи, будто они могут выживать в вакууме?

– Что, врут?

– Врут, сэр, – отмахнулся Джоук, хотя по нему было видно, что он в этом не уверен.

– А что, трудно к ним людей засылать? – спросил Штерн, понижая голос.

Джоук вздохнул:

– Вообще-то это нарушение инструкции, сэр, но я не выдам никакой тайны, если скажу, что это невозможно.

– И... в чем же трудность?

– Ну, как вам объяснить, сэр, – развел руками Джоук и потер выбритый подбородок. – Это как попытка внедриться в стаю животных-хищников. Полминуты, и они чужака сожрут. Они почуют его загодя и на большом расстоянии, вот

и тут – то же самое.

– М-да, – покачал головой Штерн и поднялся. Джоук поднялся тоже.

– Едете к министру, сэр?

– Да, времени все меньше, ситуация все запутаннее. А вы, генерал, через три дня снова ко мне, будьте добры.

– Конечно, сэр. До свидания.

Уже через десять минут начштаба спускался в персональном лифте на первый этаж. Несмотря на полуофициальный характер предстоящей встречи, он остался в мундире и даже прихватил с собой фуражку.

Лифтовая кабина беззвучно скользила по магнитным направляющим, однако это спокойствие было кажущимся – лифт стремительно летел вниз, о чем свидетельствовали быстро сменяющиеся на табло цифры.

Башня «Гектагон», в которой располагался генеральный штаб армии, вздымалась на двести семьдесят этажей, еще на тридцать уходила под землю, и, чтобы передвигаться в этом монолите, использовались сверхскоростные лифты.

Правда, общественные кабины двигались вдвое медленнее, ведь они вмещали, при необходимости, до полусотни человек, но начальнику штаба позволялось иметь собственную капсулу, куда едва втискивалось человек пять. Впрочем, это не означало, что помощники и секретари генерал-полковника Штерна могли следовать за ним в персональный лифт – им предписывалось пользоваться общим.

Вот и теперь, едва разошлись створки начальничьего лифта, как Штерн увидел майора Лунца, который заранее успел спуститься на общественном и теперь ожидал начальника с папкой в руках.

Майор выглядел бодрым, собранным, и Штерн это отметил. Он не переносил бледных, унылых и подавленных подчиненных, ему требовались живчики, и, похоже, этот Лунц был именно таким.

Секретарь уже собрался почтительно посторониться, чтоб проследовать за начальником, но Штерн махнул рукой, задавая направление к выходу:

– Давай вперед, Лунц, я не люблю этих файерволов, от них потом отвратительное послевкусие.

– А я не замечал, – удивился Лунц, но тут же развернулся и зашагал к высоким дверям из бронестекла, перед которыми подрагивала едва заметная мутноватая завеса.

Те, кто проходил сквозь нее впервые, часто этого момента даже не замечали, но только не Штерн, у которого от этой процедуры, случалось, болели зубы.

Возможно, это было нервное, ведь в случае попытки несанкционированного проникновения файервол сбивал нарушителя электрическим ударом. И сколько Штерна ни заверяли, что сканер охранного контура точно распознает личности и никаких ошибок не дает, он боялся этой умной системы и всякий раз ожидал удара.

Был способ снизить неприятное ощущение от ионизирующих разрядов и связанного с ними страха – пустить вперед другого человека.

Первопроходец брал на себя большую часть разрядов, и это успокаивало следовавшего за ним Штерна.

Обычно роль тарана доставалась помощникам начштаба или водителям его машины, а теперь и Лунц успешно справился с этой обязанностью и первым выскочил к стоявшему у подъезда лимузину.

Распахнув дверцу, он посторонился, пропуская в салон Штерна, и, пока тот устраивался на диване, не удержался от того, чтобы, запрокинув голову, посмотреть на уходящий к облакам монолит «Гектагона», потом заскочил в салон и сел напротив начальника, на чуть менее комфортабельное сиденье – с подогревом, но без массажера и функции распознавания личности.

Дверца захлопнулась, встав на сверхпрочные стопоры, и теперь лимузин представлял собой бронированную капсулу, разбить которую можно было только противотанковыми средствами особой мощности.

Обычный же гранатомет мог лишь повредить дорогостоящую краску – лак цебракко, который изготавливали из чешуи маскалитовых рыб.

Дорого, эксклюзивно и бессмысленно, однако как-то через бюджет это все же проводили.

– Вилли, нам на Малую площадь! – объявил Штерн, и сидевший за рулем старший сержант понятливо кивнул.

Он служил у начштаба уже третий год и даже по голосу мог определить, куда везти хозяина, что бы тот ни говорил для сидящих в салоне гостей или подчиненных.

На Малой площади находилось три посещаемых Штер-

ном точки – ресторан «Золотые ворота», массажный салон «Золотая лоза» и центр развлечений «Приют усталого солдата».

В ресторан хозяин навещался один и в гражданской одежде, в центр развлечений – в гражданской одежде и с гостями, а вот как сейчас, в форме, только в массажный салон, где часто собирал подчиненных сам министр.

В отличие от других массажных салонов в этом действительно делали массаж, здесь имелись замечательные контрастные бассейны, а еще подавали виноградное вино без «идентичных натуральным» добавок.

На площади было немногочленно, поскольку основная часть лощенной публики появлялась здесь вечером, когда зажигались огни ВИП-заведений, дорогие машины подкатывали к дверям и официанты порхали, словно бабочки, в предвкушении чаевых за удачный вечер.

Теперь же здесь наблюдались лишь пара полицейских машин, какие-то туристы на нелепом микроавтобусе, подметавший территорию уборочный комбайн и стая прикормленных голубей у салона-парикмахерской «Артур».

Машина остановилась напротив входа в массажный салон, Лунц первым выскочил на мостовую и придержал дверь, пока начальник выбирался наружу.

Выйдя, он огляделся, потом надел фуражку и одернул мундир.

– Давайте сюда папку, майор, дальше я сам.

– А мне что делать, сэр?

– Отдыхайте, – сказал Штерн и пошел к дверям.

Внутри его ждали.

– Вас просили пройти в апартаменты номер семнадцать, сэр, – с поклоном сообщил администратор – располневший гуриец в серебристом костюме.

– Почему в семнадцатый, если всегда был номер четыре? – удивился Штерн.

– В четвертом идут ремонтные работы, сэр, – пробормотал администратор, отводя взгляд, и Штерн решил, что подробности ему ни к чему. – Хорошо, проводите меня к семнадцатому.

Сняв фуражку, чтобы не выглядеть глупо в подобном заведении, Штерн последовал за администратором и вскоре оказался в раздевалке апартаментов.

Двери закрылись, стало тихо, и перед ним предстал министр обороны – в голубых плавках-мини и в купальной шапочке с завязками.

Эдакий младенец-переросток.

– Едва нашел вас, сэр, – сказал Штерн, проходя к шкафчику и снимая китель.

– Да, Клаус, все переменялось. Они говорят, что ремонт, но я думаю, там кого-то прихлопнули... В четвертом апартаменте.

– Проститутке перерезали горло! – прохрипел из душевой генерал Бурн, старый приятель министра, которого он повсюду таскал за собой.

Когда-то Бурн был гением артиллерийских расчетов и мог со второго выстрела положить снаряд в пятно метр на метр с расстояния в двадцать километров, но с тех пор прошло много времени, да и технологии шагнули так далеко, что то же самое делал обычный процессор.

– Привет, Клаус! – поприветствовал Штерна Бурн, выскакивая в раздевалку голый и красный, как вареный рак.

– Привет, Роби, – кивнул ему Штерн и, пошарив в шкафчике, достал набор из восьми цветов.

– Сегодня надену зеленые, – сказал он.

– Значит, ты ожидаешь весеннего чуда, Клаус, – заметил министр, почесывая задницу.

– Отчего так?

– Это мне один специалист по секрету нашептал. Цвет купального белья и проистекающая из его выбора психологическая концепция...

– Уж больно мудрено, – покачал головой Штерн, надевая к зеленым плавкам зеленую купальную шапочку. На завязках.

– Мудрено, приятель, но я отдавал ему по триста ливров за час, пока не понял, что этот урод меня просто дурачит.

Министр засмеялся, и Штерну тоже пришлось смеяться, хотя он не успел уловить суть шутки. Триста за час – разве это смешно?

– Расстреливать эту мразь квадратной шрапнелью! – выдал свое мнение Бурн и бегом вернулся в парилку.

– Что у нас на сегодня? – устало спросил министр, поправляя шапочку.

– «Братья Люремс», реализация казенного проекта.

– Средние суда?

– Так точно, сэр, – кивнул Штерн и поправил шапочку тем же движением, что и министр.

– Идемте в бассейн, а папку оставьте, вы ведь в курсе дела?

– Разумеется, сэр, но у меня там бутерброды...

– В папке?

– В папке.

Министр рассмеялся, и Штерн с удовольствием к нему присоединился. Все же здорово, что у них было принято встречаться в массажном салоне. Ну где бы он мог так запросто общаться с министром?

В министерстве? Шиш! Там очередь из просителей стояла от балкона до туалета тыловой службы. А тут – говори, и тебя услышат.

12

Генератор волн нагонял скуку, и на мгновение Штерну показалось, что министр совсем о нем забыл, прислушиваясь к крикам ошпаренного генерала Бурна, но он ошибался.

– Я вот все думаю про этих инсайдеров... – произнес министр и слегка перекосил физиономию, когда по ногам прошла волна арктического холода.

– Ух, зараза! – подыграл ему Штерн.

– Могут, да?

– Ох могут, сэр! Ох и могут!

– Вот поэтому я люблю сюда ходить, у них массаж так массаж, бассейн так бассейн.

– Это да, – кивнул Штерн. – Стоящее место.

– Что вы о них думаете, Клаус? Потянут они такой заказ?

Штерн сделал неопределенное движение головой – сразу говорить было нельзя, требовалось определить, что хотел услышать сам министр.

– Нет, про качество я не говорю, мы же получали от них... Тральщики?

– Спасательные станции, сэр.

– Вот именно. В плане качества никаких претензий, но сотни кораблей... Пусть и не самых больших.

– Ну что я могу сказать, сэр, оборудование они покупали за немалые деньги, оснастка у них первоклассная. Все про-

изводство роботизировано – даже страшно со стороны смотреть на все эти манипуляторы, дизъюнкеры. Как будто ядовитые пауки, туда-сюда, туда-сюда. Там дисковой пилой – вжик! А там сваркой – шварк!.. Производит впечатление, так их разэтак. В любом случае через три дня получим точные данные, они обещали отрапортовать о девяностопроцентной готовности пары сотен бортов.

– На что вначале налегают?

– Ну, мы просили торпедоносцы – они с них и начали.

– Хорошо.

– Потом пойдут ракетные катера параллельно с небольшой серией скоростных абордажных бортов.

– Вот это хорошо, вот это правильно! – закивал министр и, вытянув ноги, достал до нижнего холодного слоя воды. – Ух, мерзавцы! Чем же они ее так охлаждают – никак азотом? Что вы думаете, Клаус?

– Наверняка азот, сэр. Без азота здесь не обошлось!

В бассейн с разбегу вдруг сиганул генерал Бурн. Он поднял тучу брызг, заставив министра с начштабом зажмуриться.

– Что ты наделал, Роберт! – воскликнул министр.

– А что не так-то? – удивился вынырнувший Бурн.

– Ты нарушил ламинарное истечение потоков! Ты все смешал! Теперь вода стала какой-то... сырой...

– Да плевать я хотел на эту вашу воду! Это я к тому, что ставку надо делать на артиллерию! Кто вы без артиллерии?

Гэ на палочке!

– У нас будут новые корабли артиллерийской поддержки, генерал Бурн, – осторожно заметил Штерн. – Они уже во множестве строятся.

– Да в каком множестве, Клаус? – завопил Бурн, дыша на гостя свежим коньяком. – Тридцать лет назад вы порушили сто пятьдесят крейсеров! Пустили их на переплавку! А как бы они сейчасгодились, а?

– Тридцать лет назад, Роберт, Клаус не был начальником генерального штаба, – заметил министр.

– Дык, это понятно, Руди! И ты не был министром обороны, а прозябал в околотке на Мнявемме сраным лейтенантишкой! Но на ваших местах уже сидели какие-то упыри, это они разрушили нашу боевую мощь! Нашу защиту и опору!

– Роберт! Роберт!.. – закричал министр и ударил по воде рукой.

– Что такое?

– Ты мочишься в бассейн!

– С чего ты взял?

– Ты голый, и ты мочишься в бассейн, вот эти пузыри вокруг тебя свидетельствуют об этом! Выйди вон!..

– Да ладно тебе!

– Пошел во-о-он! – перешел на крик министр, и Бурн поспешил к лесенке. Он знал, когда надо сдать назад.

Штерн тоже невольно стал отплывать в сторону, чтобы не становиться свидетелем этой ссоры, однако министр сказал:

– Останьтесь, Клаус, это все пустяки. А на будущее, если еще не сделали такой ошибки, запомните: никогда не приближайте к себе земляков или родственников. Они присосутся к вам, как пиявки, и неоднократно подставят под удар, а вышвырнуть их вы не сможете.

– Да, сэр, я понял.

– Нам нужно поторопить инсайдеров, пусть это обойдется дороже, но выпуск специальных среднетоннажников необходимо ускорить.

– Хорошо, сэр, я передам это. Думаю, они смогут ускориться, если оплатить им увеличение строительных мощностей.

– К сожалению, сделать то же с крейсерами мы не можем, там совсем другая специфика, а вот тут – придется постараться.

– Не надо было резать корабельную артиллерию, сейчас была бы задница прикрыта! – гнул свое генерал Бурн из дальнего угла купального зала.

– И что бы ты делал с ними теперь, с этими старыми калошами?! – не удержался министр, снова начав сердиться и поднимать в бассейне волны.

– А то бы и делал: расстреливал всякую сволочь на максимальной дистанции!..

– Роберт, друг мой! Да они пожгли бы твои корыта раньше, чем экипаж успел бы что-то понять! Ты знаешь, на какой дистанции они могут обнаруживать нас?..

– Нет, – после некоторой паузы признался Бурн, медленно натягивая кальсоны.

– Семьдесят тысяч километров! А эффективный огонь могут вести с двадцати тысяч километров! А сколько осиливала твоя реактивная артиллерия?

– Пять тысяч семьсот, – совсем уже тихо пробубнил Бурн и поднялся.

– Куда ты? – строго спросил министр.

– Возьму коньяка...

– Какого тебе коньяка?! В бассейне нассал, еще не хватало, чтобы и в лифте?

Бурн опустился на стул и замолчал, а министр проплыл до бортика, вынырнул и встряхнул головой.

– Вы, я вижу, слегка удивлены, Клаус? – спросил он, и начштаба не понял, к чему это относилось – к разговорам о службе или к поведению генерала Бурна.

– Да, сэр. Я удивлен, конечно, но не очень... – неопределенно ответил Штерн, осторожно подгрребая руками и стараясь держаться на струе водомета, чтобы не сильно уставать.

– То есть вы уже догадывались?

– Я? – переспросил Штерн, отчаянно соображая, о чем идет речь. Если о службе – следовало сказать: да, конечно, это неоднократно приходило мне в голову, а если об отношениях министра и его земляка генерала, лучше прикинуться булыжником.

– Меня больше беспокоит нерасторопность наших

средств связи, сэр. Иногда отдашь приказ утром, а ответ приходит только в обед. С этим нужно что-то делать.

– Я понял вас, Клаус. Вижу, что вы не хотите бросать мне обвинения в лицо, ну и на этом спасибо. Мы с генералом Джоуком договорились до поры не посвящать вас во все тонкости этой игры, решив, что вам и ваших проблем хватает. Я сказал себе: Рудольф, оставь этого достойного человека в покое, пока ситуация не обострится настолько, что дальше некуда. И вот теперь, Клаус, она обострилась.

«Ага, значит по службе...» – догадался наконец Штерн, испытывая облегчение, хотя и попал в этот момент на ледяную арктическую струю.

– Давайте на бортик... – предложил министр, выскакивая на подогретый мрамор, и Штерн последовал его примеру.

Он тоже выступал за здоровый образ жизни, за бег рысцей и посещение купален, но с министром нельзя было точно знать, сколько держаться на воде – тридцать минут или два с половиной часа. Это слегка напрягало.

– Итак, генерал-полковник, вы хотите знать все?

– Только то, сэр, что мне знать положено, – немного острожноичал Штерн. Откровенность министров бывала опасной, и он это хорошо знал.

– Вы помните район Альбац? Мы как-то хотели устроить там настоящие космические учения с полугодовым походом. Со стрельбой боевыми снарядами и прочее. Даже выбили под это немалый бюджет. Вспомнили?

– Конечно, сэр, это было в самом начале моего назначения. Я прекрасно все помню и даже знаю, где лежат папки со всеми отчетами по подготовке к этим учениям.

– Вот. А потом пришел этот ролик Антверпена, и все переменялось. Меня вызвал... – тут министр замолчал и, обернувшись на уснувшего на стуле Бурна, снова повернулся к Штерну: – Меня вызвал премьер и потребовал, чтобы никаких маневров под носом у вероятного противника...

– Премьер Мармалетто?

– Нет, Клаус, это было перед выборами и премьером являлся Сокованда...

– Ах да, извините.

– Ничего страшного. Вот станете министром, вам такого не простят, а начштаба должен знать только непосредственного начальника – в этом главный принцип военного управления. Я прав?

– О да, сэр.

– Хорошо. Теперь о деле. Район Альбац получил название по названию самой большой планеты, хотя, если честно, это и не планета вовсе, а грязевое образование. Альбац, и точка. И вот пока мы собирались с этим учебным походом, выяснилось, что некие малопонятные нам силы строят на Альбаце военную базу! Военную, блин, базу на этом Альбаце! Ну и каково, а?

– Что за силы, сэр? – спросил Штрен, позабыв про скромность.

– Вот! Сразу видно профессионала! – обрадовался министр, но потом улыбка сошла с его лица и, взглянув Штерну в глаза, он сказал:

– А хотите выпить, генерал-полковник?

– Почту за честь, сэр, – ответил Штерн, даже не успев подумать.

– Вот и славно. Эй, Бурн!..

Генерал от артиллерии тотчас очнулся, как и не спал.

– Слушаю, господин министр! – козырнул он, стоя в кальсонах.

– Вызови обслуживание – пусть принесут «Бриск».

– Отличный заказ, сэр! – обрадовался Бурн. – А какой изволите – большой или маленький?

– Пусть принесут большой, наш генерал-полковник парень крепкий.

– А я могу рассчитывать на вашу милость, господин министр? – извиваясь, словно червь, спросил Бурн.

– Рассчитывать ты можешь, – ответил министр. – Только хрен чего получишь.

Пока несли коньяк и сладкое, начштаба с министром в трусах и шапочках перебрались к камину – за мраморный столик и кресла с подогревом. Штерн продолжал улыбаться, но ожидал продолжения разговора, ведь тема была не шуточная.

Официант расставил пузатые коньячные бокалы, порезанный лимон и тарелочку каперсов. А когда ушел, министр хлопнул Бурна по руке, когда тот потянулся к бутылке, а потом сам разлил себе и Штерну по полному, а генералу от артиллерии лишь плеснул на дно.

– Итак, сэр, – сказал Штерн, поднимая бокал.

– Будем, начальник, – кивнул министр и выпил первым.

Штерн выпил вторым и почти ничего не почувствовал, поскольку его голова уже была занята составлением сложнейших карт дислокации. Только он знал, где находились те или иные подразделения сил планетного сектора, какие из них никуда не годились, а какие были готовы выступить навстречу врагу и, если не сокрушить его, то хотя бы немного задержать.

– Так что по делу, сэр? – напомнил Штерн.

– А по делу следующее... Как тебе коньячок, кстати?

– Весьма приличный, – ответил Штерн, замечая, что Бурн стряхивает себе остатки из бокалов.

– В общем, в грязи Альбаца теперь плавают военная база шингтонов, так мы прозвали своих вероятных противников.

– И насколько она велика?

– Она велика настолько, что если ты, Клаус, сядешь в свой лимузин и поедешь по ней, то, выехав с утра, приедешь только к обеду на другой ее конец.

– Четыреста тридцать восемь километров, – произнес Штерн. – И там смогут поместиться пять сотен тяжелых крейсеров.

– Да, если они решат строить универсалы, а это очень дорого, – заметил министр, вылавливая из тарелки приглянувшийся ему каперс.

– Мы не знаем их возможностей, сэр. Для нас строить крейсера-универсалы – дорого, а им, может, в самый раз.

– В любом случае, Клаус, что именно и в каком количестве расположено на этой базе, мы не смогли узнать. Мы послали сорок восемь разведывательных дронов, и все они были уничтожены в течение каких-то секунд. Повезло еще, что по одному они промахнулись, и теперь мы имеем хоть какие-то сведения.

– То есть они его все же уничтожили?

– Да сожгли они его, но за те двадцать четыре минуты, что они ему подарили, он успел сделать съемку и переслать файлы.

– Это хорошо.

– Может, и хорошо, но очень уж страшно.

– Я знаю уже достаточно, сэр, чтобы предположить, что те несколько сотен солдат врага, которых удалось уничтожить нашим специальным силам, прибыли именно с этой базы. Я прав?

Ожидая одобрительного кивка, Штерн только сейчас понял, как мягко берет его элитный коньяк, однако министр отрицательно замотал головой и закинул в рот пригоршню каперсов.

– Что? – не понял Штерн.

– Увы, коллега, приготовьтесь к шокирующим новостям и простите, что не довел до вашего сведения раньше...

– Что? – снова спросил Штерн.

– Они ближе, чем все мы думаем, они рядом. Они в соседней квартире, на следующей улице. За ближайшим столиком в ресторане и на очке в знакомом вам сортире.

– Вы что, сэр, спятили? – в отчаянии воскликнул Штерн, но министр лишь горько усмехнулся.

– Ах, Клаус, как бы я хотел, чтобы все это оказалось лишь детским сном или юношескими фантазиями. Ты слышал о планете Васюган, Клаус?

– Да, сэр, – ответил начштаба, чувствуя, что ободряющая сила элитного коньяка покидает его.

– На нашей планете СГБ обнаружила большую подземную базу шингтонов. С ангарами, с казармами, с мастерскими оружейного ремонта. Ну ты понимаешь, да?

– Ее взяли штурмом?

– Каким штурмом, Клаус? Мы даже не знаем, чего от них ждать! Да, мы ликвидировали несколько посланных с этой базы экспедиций, но штурмовать базу пока опасаемся...

– Но это наша земля, сэр!

– Земля наша, но инициатива пока их – шингтонская, понимаешь? Все, что мы знаем, так это то, что они есть и что они выпускают, время от времени, разведывательные экспедиции, чтобы, ясен перец, подготовить большое вторжение с того же Альбаца.

– Но, сэр, наличие базы очень критично для нас! Мы-то про них ничего не знаем, а они у нас дома!..

– Какая задница, кто бы мог подумать, – улыбнулся министр и снова разлил коньяк по бокалам, Бурну – опять на доньшко. – Давай, начальник штаба, дернем, чтобы за победу и все такое...

– Дернем, сэр, – произнес слегка остекленевший от полученной информации Штерн и выпил очередной бокал коньяка.

Они выпивали, закусывали лимоном и каперсами, а потом наблюдали за Бурном, который стряхивал себе остатки из их бокалов.

– Суть в следующем, дорогой Клаус, – произнес министр и шмыгнул носом. – База на Васюгане, скорее всего, не единственная...

– Не единственная? – повторил Штерн.

– Не единственная. СГБ провела огромную работу, и мы

выяснили, что на всех планетах, где семьсот лет назад велись боевые действия, остались средства для организации баз противника.

– Я не понял... – честно признался Штерн.

– Они никуда не уходили. Была война. Потом была ядерная война, и все, кто уцелел под землей... Ну, как бы это тебе попонятнее...

– Да уж бейте, сэр, у меня и так вся морда в крови, фигурально выражаясь.

– Прости, Клаус, что скрывал от тебя так долго.

– Да что уж теперь-то?

– Одним словом, все подземные склады и базы, с них так долго кормились целые поколения сталкеров и всяких ловчил, оказались не мертвым грузом, который можно бесплатно грабить, а самыми настоящими инкубаторами инородного внедрения – нападения на нас, Клаус. Теперь ты понимаешь?

Генерал-полковник поднялся и прошелся по залу купальни, ни о чем особенно не думая и не делая никаких выводов. Просто ему требовались кислород и движение, чтобы осознать условия новой для него реальности.

Потом он вернулся и сел в кресло.

– Что же получается, сэр, они сидят почти на каждой планете и готовят нападение извне?

– Да, Клаус, именно так. Извини еще раз, что так долго молчал, но ты должен понять меня – я и сам, честно говоря,

поначалу обгадился. Я не знал, что делать и что предпринимать. Что уж говорить о Джоуке, который первым получил все эти сведения.

– Теперь мне понятны его состояние и эти мысли о покушениях... – произнес Штерн, глядя перед собой.

– Думаешь, его прикончат?

– Неважно, сэр. Это война, которая уже начата и, судя по вашим сведениям, начата давно.

– Они знали, что снова прижмут нас, так, Клаус?

– Да, сэр. Думаю, они делали это раньше и у них имеется хорошо отлаженный механизм. Сегодня мы еще генералы и министры, а завтра пропальываем за городом грядки с редиской.

– Какой ужас! Тебе налить?

– Налить...

Некоторое время Штерн сидел неподвижно, наблюдая за тем, как министр наливает. Дорогой напиток искрился на свету, заполняя шарообразные бокалы, и Штерн невольно погружался в эту игру пузырьков и света, осознавая, что это уже другие пузырьки и другая реальность, которая изменилась сегодня в этой купальне.

«Может, не пить?» – подумал он, поднимая бокал с янтарным напитком. А с другой стороны – ну кому это поможет?

– Твое здоровье, Клаус, – сказал министр.

– И твое, Рудольф, – ответил Штерн и выпил до дна, оценивая напиток на вкус.

Генерал-лейтенант Роджерс, начальник спецопераций полковник Шторм, капитан Джульет – из личного резерва начальника штаба, – Штерн уже планировал свои будущие действия. Далеко вперед он перебрасывал всю текучку – содействие по тыловому обеспечению, строительство новых казарм, шефские акции и прочее.

– Ну и что ты на это скажешь? – спросил министр, с сожалением поглядывая на опустевшую бутылку.

– А что тут скажешь, сэр? Нужно рабочее планирование, все то, что мы так хорошо умеем делать. Будем собирать группы и запускать в массив целей, то есть отправлять разведку по установленным адресам. Если враг уже рядом, его нужно искать и найти. Что вы на это скажете?

– Скажу спасибо, Клаус. Я так устал от одиночества перед всей этой ответственностью. Спасибо, да и только. Кажется, мы сегодня уже поговорили про все или нет?

– Вы просили напомнить...

– Про что?

– Про «Братьев Люремс», сэр.

– Ах да! Так что там с «Братьями Люремс», кто к вам приехал, сам Реджинальд Кит?

– Нет, сэр, в этом не было необходимости. Обошлись их официальным представителем при генштабе. Его зовут Армстронг, майор Армстронг.

– И что этот майор?

– Говорит, что все в порядке. Но, насколько я понимаю,

их теперь тоже нужно подгонять.

– Нужно, Клаус, – кивнул министр, и начштаба заметил, что тот уже сильно разругался. – Мы у себя соорудим заявку, какое именно ускорение теперь потребуется. Премьер уже в курсе и готов поддержать бюджетное увеличение перед министром финансов.

– Он будет упираться, – улыбнулся Штерн, чувствуя, что и его, наконец, расслабил этот коньяк. Хороший, кстати, коньяк, с запахом лесных ягод.

– Конечно, будет, иначе какой же он министр финансов, но... Мне бы его проблемы!

С утра был дождь – совсем недолгий и какой-то нерешительный. Едва начав стучать по крышам жилых корпусов, он прекращался над столовой, но, возвращаясь на крышу столовой, тотчас забывал про казармы. Не дождь, а недоразумение.

Лейтенант Гуммель ждал Джека на крыльце сразу после завтрака. Сам он ничего не ел, потому что не мог, полностью погрузившись в суть нового пари.

Накануне Джек сказал, что смог бы с тридцати метров продырявить из револьвера пять сложных мишеней – из яблок или апельсинов, положенных один позади другого. То есть пуля должна была пробить первый плод, а затем второй, лишь после этого мишень считалась пораженной.

Джек сказал и забыл, но лейтенант Гуммель был человек азартный. С двух прежних мест службы его поперли из-за подобных художеств, однако он снова искал себе приключений и по оказии занял вакантное место командира взвода во второй роте, прежний офицер которой уволился по семейным обстоятельствам.

– Ну что, жучара, готов ответить за свои слова?! – неожиданно закричал Гуммель, заскакивая на крыльцо перед Джеком и лейтенантом Хиршем и даже пританцовывая от возбуждения.

Джек с Хиршем недоуменно переглянулись. Они и думать забыли о вчерашнем споре, но Гуммель помнил. Он даже спал беспокойно и сбил в комок всю простыню, а утром, чуть свет, выскочил на воздух и, глядя на дождь, составлял схему решения спора.

Собственно, ничего особенного – сгонял в столовую, замучил расспросами сержанта продуктовой службы и выяснил, во что обойдется десяток крупных яблок сорта «лингвельд». Оказалось, что в тридцать ливров.

– А почему так дорого? – изумился лейтенант. – В городе я купил бы их за пару ливров!..

– Вот поезжайте в город и купите, а здесь все подсчитано до зернышка.

– Ну хорошо, – согласился тогда Гуммель, рассудив, что с огромного выигрыша легко окупит расходы на яблоки.

И теперь он пританцовывал перед Стентоном и Хиршем, ожидая, что они отступят, а мальчишка этот еще и извинится. Гуммель заставит его извиниться прилюдно!

– Это ты про стрельбу, что ли? – уточнил Хирш.

– Что ли, лейтенант Хирш! Что ли!.. – перешел на фальцет Гуммель и откашлялся. – Подтверждаешь пари, капрал Стентон?!

– Стрельба по яблокам с тридцати метров? – уточнил Джек.

– Да! Пятьсот ливров на кону!..

– Пять выстрелов, пять мишеней, десять простреленных

яблок, правильно?

– Хорошая память, капрал, поздравляю! Буду счастлив прижать тебя – хвастунишку!..

– Так ты, Гуммель, думал, что он хвастал? – не скрывая улыбку, спросил Хирш.

– О! А ты, значит, не думал, коллега? – Гуммель возбужденно хлопнул в ладоши. – Ну что, камрады, идем прямо сейчас?

– А вы уже завтракали, сэр? – участливо поинтересовался Джек.

– Не нужен мне ваш завтрак, капрал! Я должен решить спор немедленно, а до этого у меня даже аппетита не будет!

Из столовой вышел сержант из второй роты.

– О, вот и Бэзил! – снова закричал Гуммель, и лицо сержанта сделалось хмурым. – Ну что, был с утра дождик, Бэзил? Был или мне показалось?

– Ну был... – со вздохом произнес сержант.

– Пятьдесят ливриков на бочку, дружок! Здесь вам не тут! Наша бухгалтерия сурова!

Сержант снова вздохнул, достал деньги и отдал Гуммелю его выигрыш.

– Так будет с каждым! – закричал тот, потрясая парой четвертаков перед лицом Джека. – Ну что, жим-жим? Идем стрелять или как?

– Идем стрелять, только яблоки за ваш счет, господин лейтенант.

– Уже решено, приятель! Куда рванем, где тут у вас решаются подобные споры?

– До твоего появления подобных споров не возникало, – заметил Хирш, спускаясь с крыльца столовой. – Спорили на щелбаны, на жвачку или курево.

– Курево и щелбаны?! Каменный век! Настоящее благодородное пари, вот двигатель всемирного прогресса, если хотите знать!

– Так, Джек, иди за револьвером, а я прослежу, чтобы мистер спорщик добыл яблоки нужных размеров, – со скукой в голосе произнес Хирш.

На пороге возник капитан Хольмер. Он съел свой завтрак, запил его крепким чаем и на ближайшие полчаса у него было хорошее настроение.

– Что за склока, бойцы? Кто пойдет со мной купаться в карьер?

– Прямо сейчас? – спросил Джек.

– Нет, сейчас вода холодная. Лучше ближе к обеду, водичка согреется и аппетит можно нагулять.

– Сэр, в карьере вода круглые сутки четыре градуса.

– Цельсия?

– Кельвина, блин... – тихо обронил Хирш и отвернулся, сдерживая смех.

– Грамотный, да, Тедди? Очень грамотный? А вот я не полениюсь сейчас пойти в строевую, включить там глобалсеть и выяснить, чего смешного ты тут сказал? И спроси меня,

кто будет смеяться последним?..

– Извините, сэр, – сдался Хирш.

– Извиняю. А в чем фишка шутки?

– Четыре по Цельсию – это холодно, а при четырех по Кельвину все застывает на хрен...

– Как это?

– Ну... Скажем, если заморозить яблоко, он превратится в хрусталь. Врезал молотком, и оно вдребезги.

– Ага, понятно, – кивнул Хольмер. – А если «таргар» из пушки врежет?

– Ну, тоже разлетится.

– И осколки будут опасны, так?

– Да, сэр, куски перемороженного яблока будут опасными, как и осколки хрусталя, – подтвердил Хирш.

– Джек, ты когда-нибудь слышал о чем-то подобном? – спросил Хольмер.

– Нет, сэр. От Тедди – никогда.

– Вот. А он это знал и молчал, – со странной интонацией произнес Хольмер. – Ты просто какой-то профессор тригонометрии, Тедди!..

– Это скорее теплофизика, сэр.

– Ну ни хрена себе! – произнес пораженный Хольмер и уставился на Хирша вместе с Джеком и лейтенантом Гуммелем. – Нам что теперь, пойти сейчас всем и застрелиться?

– Извините, сэр, – растерялся Хирш.

– Извините, сэр, – передразнил Хольмер и зашагал прочь.

Когда Джек пришел к холму, который местные прозвали Лысым, Хирш и Гуммель уже расставили все мишени, и Хирш проследил, чтобы все соответствовало правилам – подставки под яблоки оказались одной высоты и были сложены из слоистого известняка, обломки которого в изобилии валялись на склонах.

– Ну что, принес? – спросил Гуммель.

– Принес, – ответил Джек, демонстрируя одиннадцатиметровый револьвер.

– Но это же целая пушка! – поразился Гуммель.

– Что, не годится?

– Ну... Годится, в общем. Просто я не ожидал. Я раньше таких даже не видел, честное слово!..

– Откуда стрелять? – спросил Джек, сразу прикидывая расположения мишеней и даже приседая, чтобы увидеть нужные траектории.

– Так ты уже стоишь на этом рубеже, сынок! – сообщил Гуммель, возвращаясь к своей дерзкой манере. – Я тут все со шнуручком промерил, твой комвзвода тому свидетель, я прав, коллега Хирш?

– Прав, Гуммель. Готовь бабки...

– С чего это?

– Ну ты же захватил деньги для расчета или думал нас

обмануть? – перешел в наступление Хирш. Гуммель раздражал его, и Хиршу хотелось скорее наказать этого мерзавца. Да, в Джеке Хирш не сомневался, но наказать хотелось уже сейчас. В эту самую секунду!

– Покажи пять сотен, говнюк, или ничего не будет!

– А у вас при себе деньги имеются? – отступая, уточнил Гуммель.

– Конечно, имеются! У первой роты всегда так, а у Джека в кармане меньше восьми сотен никогда не бывает! Хочешь сожрать их? Хочешь, чтобы в рыло «котлетой» ткнули?..

Такого блефа Гуммель не выдержал. Он сам бывал в боях, но Хирш и Стентон бывали в переплетах куда покруче. Их блеф сметал остатки недоверия и ужасал неподготовленного человека.

– Вот! Вот! – прокричал Гуммель, доставая из кармана брюк припасенные деньги. – У меня все приготовлено, я честный офицер!

– Бум-бум-бум-бум-бум... – прогремело пять выстрелов, и далекие яблоки превратились в сладкие зеленые брызги.

– Давай деньги, – сказал Джек, выбрасывая из барабана пустые гильзы.

– Что? – не понял Гуммель.

– Я говорю – деньги давай, пятьсот ливров. Мы ведь на пятьсот договаривались?

– Так точно, – кивнул Гуммель, отдавая пять сотенных бумажек, даже не удостоверившись, все ли цели были пора-

жены. Но поражены были все десять яблок, и, когда Гуммель повернулся к мишеням, их попросту не было.

Стойки из сероватого известняка остались неповрежденными, а зеленых «лингвельдов» на целых тридцать ливров как не бывало.

Гуммель даже пожалел, что так и не попробовал их, но тут ничего не поделаешь. Пять сотен отданы какому-то капралу, яблоки испарились от одиннадцатимиллиметровых пуль, и оставалось только поплакаться на свою невезучесть, хотя еще утром ему везло дважды – пятьдесят ливров за дождь и два за тараканьи бега в умывальной комнате.

– Это все? – задал глупый вопрос Гуммель.

– А что еще, лейтенант?

– Ничего, спасибо...

На полусогнутых ногах Гуммель сходил к огневому рубежу, чтобы убедиться в очевидном – от десяти яблок с пяти выстрелов не осталось даже огрызков. Пятьсот ливров – это провал, а он надеялся заработать состояние. Пятьсот ливров, болван! О чем ты думал?!

– Лейтенант Гуммель...

Гуммель обернулся. Перед ним стоял капрал Стентон, а чуть дальше лейтенант Хирш. Ох этот Хирш! Блистательный вояка, но совершенно не интересующийся пари! Несколько раз он послал Гуммеля с его пари на какое-то количество букв, а один раз даже обещал дать в морду.

В конце концов Гуммель все понял и к Хиршу больше не

приставал. Ну чего нервировать? А вот капрал ему показался перспективной мишенью, на тот момент, разумеется, теперь-то он ему таким не казался.

– Лейтенант, хотите вернуть свои пять сотен?

Поначалу Гуммель решил, что у него галлюцинации. «Вы хотите научиться повелевать ветром? Вы хотите стать властителем облаков?» – он услышал что-то в этом роде. Но нет, капрал Стентон стоял перед ним и протягивал те самые, еще теплые, пять сотен ливров.

– О да... – проблеял Гуммель, еще не понимая, что ввергает себя в череду мучительных испытаний.

– Я отдаю вам ваши пять сотен с одним условием...

– С каким?

– Если я услышу, что где-то в нашем городке вы попытались вызвать кого-то на пари, я потребую вернуть мои пять сотен. Вы меня поняли, лейтенант Гуммель?

– Я... О!.. Я!.. – внутри Гуммеля боролось несколько сущностей, отвечавших за карьерный рост, алкоголизм и игровой оргазм. А еще жадность! Эти пятьсот ливров Гуммелю хотелось вернуть во что бы то ни стало!

– Я готов, капрал, я готов принять это условие и больше ни с кем и нигде не буду устраивать пари. Только верните мне мои пять сотен! Пожалуйста!

Джек отдал деньги в потные руки Гуммеля и улыбнулся Хиршу.

– Признаться, я бы никогда не придумал более ужасного

наказания этому мерзавцу, – сказал Хирш.

– О чем ты, Тедди? – удивился Джек.

– Ну как же... Ты заставляешь его задумываться перед каждым пари, без которых он жить не может. Если пари со-
стоится и ты о нем узнаешь, он отдаст пятьсот ливров про-
тив какого-нибудь смешного выигрыша в пять или двадцать
ливров, понимаешь?

– О да, только я об этом совсем не думал, я не собирался
его наказывать.

– Не собирался, а получилось. И тут ты прав, эта поганка
нам здесь не нужна. Либо он становится человеком и водит
свой «гасс», либо валит в войсковую тюрьму.

– Даже так?

– А чего с ним сюсюкаться? Игроки это, увы, уже порче-
ный материал, проверено. Сегодня кланяются и улыбаются,
обещают построить новый дом и постричь лужайку, а завтра
принимают записки со ставками на тараканьи бега.

– Эй, господа, а вы понимаете, что я все это слышу? –
подал голос Гуммель.

– А кому, на хрен, интересно твое мнение по этому во-
просу? – заорал на него Хирш. – Хочешь, чтобы я тебе яйца
отстрелил?

– А можно я просто пойду к себе в казарму?

– Можно. Но если увижу, что играешь, пристрелю раньше,
чем Джек заберет у тебя пятьсот ливров, понял?

– Понял, коллега, о чем разговор...

И Гуммель заковылял в сторону городка, а Джек вздохнул и, посмотрев на далекие холмы, сказал:

– А ведь Хольмер тоже игрок.

– Он был игроком, но завязал с этим еще до нашего знакомства. Правда, завязав с игрой, попал в зависимость от алкоголя.

– Но он держится, правда?

– Держится, если не происходит ничего страшного.

– Но ничего ведь и не происходит, Тедди?

– Не происходит. Мы сидим в казармах, жрем от пуза и тупо набираем вес.

– Как каплуны?

– А кто такие каплуны?

– Каплуны – это самцы куриц, которых кастрировали, чтобы их мясо было нежнее. И они быстро набирают вес.

– Ну и сравнение. Ладно, пойдем обратно, в шахматы сыграем.

– Лучше в шашки...

– Почему?

– Шашки, они быстрее, это как встречная контратака, а шахматы – долгая разведка. Скучно.

16

Сразу за проходной они увидели Хольмера. Он стоял не двигаясь и смотрел куда-то в сторону зарослей травы-зулбар, росшей вдоль забора.

– Привет, босс, – обронил Хирш, вырастая позади капитана.

– Привет, Тедди...

– Ты чего там увидел?

– Ренегата. Кажется, у него окончательно сели батарейки.

– У кота? – переспросил Джек, возникая с другой стороны.

– Он не кот, ты забыл? Капитан Горский рассказывал нам, что Ренегат настоящий скотоплекс, и, похоже, его батарейки дали дуба.

– Я все еще не вижу его... – сказал Хирш.

– Вон там, от синего цветка на двадцать пять градусов влево.

– Ну ни хрена себе!

– Я тоже его увидел, – сообщил Джек.

– Может, он подзаряжается? – предположил Хирш.

– Турбину накачки запустил? – усмехнулся Хольмер. – Тогда бы у него из задницы дым шел.

– А что говорил Горский? Что у него за система? – спросил Джек.

– Вроде генератор, от жратвы работает, – ответил Хирш.

– Тогда он должен функционировать, повар его с утра фаршем кормил – я сам видел.

– Может, ты и прав, – сказал Хольмер и почесал ухо. – Только помимо жратвы имеются и другие факторы.

– Например?

– Зависание бортового компьютера. Что мы фактически и наблюдаем – вытянутый корпус, запрокинутая голова, поднятая лапа, он как будто не завершил начатое движение.

– Тогда бортовой компьютер проходит тесты, и вскоре Ренегат заработает, – заметил Хирш.

– Зарботает, – согласился Хольмер. – Или гикнется окончательно.

– Тогда мы отнесем его Тильгаузену, а тот его разберет, – заметил Джек.

– Берти не сможет, тут слишком тонкая работа.

– Зато узнаем, как он устроен.

– Тебе это так интересно?

– А вам нет, сэр?

Неожиданно застывший было Ренегат совершил высоченный прыжок и, схватив на ветке акации задремавшую бабочку, свалился вместе с ней в траву.

– Ах мерзавец! Всех нас провел! – воскликнул капитан и хлопнул себя по боку. – Я-то думал, он окончательно батарейками двинул, а оказалось – просто бабочка!..

– Да, заставил нас понервничать, – улыбнулся Хирш, про-

слеживая бег скотоплекса, который уносился с трепыхавшейся в зубах селестой оронпедиас. – А вы куда шли, сэр?

– А вы откуда шли? – вопросом на вопрос ответил Хольмер.

– Мы ходили к холмам учить Гуммеля жизни.

– Научили?

– На полтыщи ливров.

– Стало быть, кто-то угощает?

– Увы, сэр, Джек вернул ему деньги, но с условием, что тот перестанет ставить пари, иначе Джек снова заберет выигрыш.

– Стреляли?

– Джек стрелял – по яблокам.

– Из этого стенобитного орудия?

– Зря вы так, сэр, – возразил Джек. – Очень сбалансированный револьвер. Если вовремя подгибать большой палец, ладонь почти не сушит...

– Ладно, пошли ко мне, это же я вас искал, когда на Ренегата наткнулся, – признался Хольмер.

– Снова будем есть торт? – уточнил Джек.

– А тебя еще не мутит от моих тортов?

– Нет, сэр. Платите вы, почему меня должно мутить?

Все рассмеялись, и это разрядило напряжение от недавнего созерцания электронного кота.

– Тут нам разрядочка пришла... – сообщил Хольмер и шмыгнул носом.

– Снова война? – спросил Хирш.

– А ты против?

– Да ничуть. Две недели на приколе – даже странно.

– И канонады не слышно, – добавил Джек.

– А раньше была?

– Была, конечно, но отдаленная.

Хольмер и Хирш переглянулись. Они не слышали раньше никакой канонады.

До комнаты капитана шли молча. Джек размышлял о способностях скотоплексов, а Хирш тосковал по персиковому сектору торта-мороженого. Неужели капитан с этим покончил? Было бы жалко.

Над городком с ревом пронеслось звено лаунчмодулей. Они пролетели с севера на юг, и скоро их не стало слышно.

– Совсем совесть потеряли, – заметил Хирш, опускаясь на стул и поглядывая на пустой стол.

– Да, в прежние времена они на такое ни за что бы не решились, – согласился Хольмер. – А что скажешь ты, Джек?

– Я полностью потерялся в этих переменах, сэр. Раньше тоже бывали перерывы, но теперь-то уже ясно, что никакой войны больше не будет.

– По крайней мере, между нами и арконами, – добавил Хольмер, присаживаясь на кровать.

– А какие еще могут быть варианты?

– Ферлин твой друг, а не мой, поэтому ты должен знать больше всех нас.

– Да, Джек, – поддержал Хольмера лейтенант Хирш, – что тебе сказал Ферлин? Чего нам ждать?

– Ну, он намекнул, что многое может измениться.

– И все?

– И все.

– Отлично, – кивнул Хольмер. – Значит, ты не удивишься, если я скажу, что через сорок пять минут за вами с Тедом прибудет «средняк».

– Снова война? – удивился Хирш.

– Снова задание, – поправил его Хольмер. – Вы отправитесь в распоряжение какой-то особой группы. Я не очень понял, да мне и не объясняли – звонок был из дивизии, кто там будет объясняться с каким-то комроты? Сказали – выделить две легкие машины, и я сразу подумал про вас.

– А куда лететь? – спросил Джек.

– Лететь далеко, часа три будете болтаться.

– Надо обед взять! – подскочил Хирш.

– Надо, – согласился капитан. – Иди на кухню и потребуй картошки с мясом в фольгу.

– А если скажут жевать сухпай?

– Тогда ты напомнишь им, сколько бабла я переплачивал за мороженые торты и что мой пистолет почищен и смазан. Дальше что-нибудь нафантазируешь сам.

– О да, сэр! Я им нафантазирую! – заверил Хирш.

Капитан Хольмер оказался прав: лететь на очередное задание пришлось более трех часов. Спать Джеку не хотелось. Пока не было боевой работы, они и так все время спали да обсуждали меню в столовой. Однако дело было привычное, и Джек с Хиршем все же задремали под мерное гудение двигателей.

В прежние времена таких комфортных режимов транспорта не знали. Быстрый набор высоты, скоростное снижение – почти пикирование. Зависание, сброс десанта, и сразу прочь из простреливаемого пространства.

Теперь все было иначе. «Не служба, а мед», – говорили пилоты и позевывали.

Примерно за полчаса до приземления Джек проснулся и, придвинувшись к иллюминатору, стал смотреть вниз, туда, где среди холмов и пустынных долин то и дело попадались заброшенные шахты, горняцкие деревни, ржавеющие обогатительные фабрики и поседевшие от окислов терриконы, которые местами превышали высоту окрестных холмов.

Частые в этих местах дожди смывали со склонов всякую дрянь, и у подножий искусственных холмов скапливались целые озера с желтой, красноватой или оранжевой водой.

На некоторых даже гнездились какие-то птицы, Джек видел, как поднимались целые стаи, перепуганные грохотом

турбин.

Вид этих отравленных районов, конечно, угнетал, но по сравнению с пустошами, в которых жили люди на родной планете Джека, здешние места казались цветущим садом.

Перед самой посадкой «средняка» развернулся неподалеку от брошенного военного городка и стал садиться в пяти километрах севернее его – на старый бетонный плац, недалеко от большущих ангаров из гофрированной оцинковки.

Взметнувшаяся бетонная пыль закрыла Джеку обзор.

«Искусственный кофе с растительным молоком», – успел подумать он, наблюдая в иллюминатор густую пелену.

– Посадка штатная? – прокричал совсем рядом Хирш, растирая уши, чтобы поскорее проснуться.

– Полный порядок, – подтвердил Джек, и в этот момент шасси «средняка» коснулись площадки.

Пилоты сразу выключили двигатели, и вместо привычного гула остался лишь рокот редукторов и дребезжание обшивки потолка.

Джек с Хиршем проследовали к своим машинам-роботам, заняли места в кабинах и вскоре без спешки вывели роботов на окраину плаца.

– Ну что, ты чего-нибудь видишь? – спросил Джек, когда они высунулись из кабин.

– Ничего не вижу и ничего не слышу, – ответил Хирш, зевая.

– Тогда покарауль, я принесу две пары гранатометов для

«таргара».

– Ну, неси... – ответил Хирш и снова зевнул так, что щелкнули челюсти.

Джек опустил кабину, сошел на бетон и, поправив на поясе тяжелый револьвер, направился к транспорту.

Заметив его, пилот включил раскладывающиеся мостки, и Джек поднялся в трюм по-человечески, а не снизу – через десантный люк.

Тем временем Хирш поймал местную волну и, откашлявшись, сказал:

– Я – Плотва, два борта прибыли на площадку эн-модуля. Как поняли меня?

– Привет, Плотва, это Окунь. Поняли тебя хорошо, можешь отправлять борт, мы идем к тебе с юго-запада. Ориентир – два пехотинца.

– Хорошо, Окунь, борт отправляю, жду двух пехотинцев... – ответил Хирш, но никаких знаков пилотам давать не стал. Его «грей» крутанул кабиной и прошелся по пыльному плацу, рыская по сторонам зенитными пушками.

Хирш был не новичок и знал, что почем на этой войне.

Джек принес четыре гранатомета и, сгрузив их возле опор присевшего «таргара», щелкнул клавишей связи.

– Ты куда поперся, Тедди?

– Жду встречающих...

– Проблемы? – уточнил Джек, осматриваясь.

– Пока все в порядке...

– А что «средняк»?

– Пока пусть стоит.

– Так что тебе сказали – мне в кабину лезть или курить можно?

– Кури, но будь готов лезть в кабину.

– Вот спасибо... – покачал головой Джек и, забравшись в кабину, поднял «таргар» на боевую готовность.

– Вижу двух пехотинцев, – сообщил он через минуту.

– Ага, это они – с юго-запада.

– И что теперь?

– Сейчас их встретим.

– А что с бортом?

В этот момент хлопнула турбина «средняка», и в следующее мгновение оба мотора загрохотали, набирая обороты.

– Тедди, что происходит?

– Ни хрена страшного, капрал, просто ребята перепугались немножко...

– Эй, танки, что у вас за херня?! – на открытой волне спросили пилоты.

– Никакой херни, командир, сейчас полетите домой, – ответил им Хирш.

– А чего ты машину по бетонке гоняешь?

– Масло разогреваю, – соврал Хирш. – Не то масло влили, редукторы шумят, фильтры в затыке. Пытаюсь что-то сделать.

На транспорте заглушили вторую турбину, однако первый движок продолжал неспешно вращать лопасти.

Тем временем пехотинцы подошли совсем близко, и Джек даже разглядел на одном офицерские погоны, а у другого старшинские нашивки.

Тяжелого оружия при них не было – только пистолеты в штатных кобурах. Пока они шли к «таргару», Хирш подогнал свой «грей», опустил кабину, спешил и вышел навстречу гостям.

– Лейтенант Хирш и капрал Стентон прибыли в ваше распоряжение, сэр! – прокричал он капитану, принадлежавшему к министерству обороны.

У старшины тоже были министерские знаки отличия, и Хирш чувствовал себя не в своей тарелке. А вдруг наорут?

– Привет, лейтенант, – улыбнулся капитан и пожал Хиршу руку. – А что, капрал так и будет сидеть в «таргаре»?

– Одну минуту, сэр, – сказал Хирш и, пожав руку странному на вид старшине, махнул Джеку, чтобы тот спускался.

– Прошу прощения, сэр, мы с переднего края, там у нас другие манеры...

– Одобряю ваши манеры, лейтенант, но борт можно отпустить.

– Это мы быстро, сэр, просто не знали, кого ждать, – начал оправдываться Хирш и, заскочив в опущенную кабину «грея», ударил по клавише связи.

– Але, экипаж!

– Здесь экипаж...

– У нас все в порядке – всего вам хорошего.

– Ну наконец-то... – отозвался недовольный голос. «Средняк» запустил вторую турбину, прибавил оборотов и, подняв остатки пыли, стал набирать высоту.

Джек вышел из кабины и тоже пожал руки капитану и старшине.

– Какой странный у вас «таргар», капрал, – заметил офицер, кивая на упрятанные в чехлы гранатометы.

– Необходимое усиление, сэр. Без них моя машина была в бою только статистом.

– А вам хотелось вмешаться в драку «больших мальчишек»? – спросил капитан, невольно копируя терминологию капитана Хольмера.

– Хотелось.

– Ну и как, получается стрелять такими штуками?

– Получается, сэр. Я на всякий случай с собой еще две пары взял, если у вас тут подходящих не найдется.

– У нас для вас все найдется, капрал, но то, что вы запасливый, очень хорошо, – сказал капитан и, отойдя от «таргара», остановился напротив кабины «грея».

– Это что же – гаусс? – спросил он неуверенно и посмотрел на Хирша.

– Так точно, сэр, гаусс.

– И хорошо работает?

– Пока никто не жаловался.

– И механики не жаловались? – вышел вперед старшина и похлопал по кожуху нестандартной пушки.

– А чего им жаловаться?..

– Ну, я однажды видел, как гаусс пытались приспособить на манипулятор «берга». Так у него после трех выстрелов все контроллеры горели.

– У нас тоже сначала горели, но потом Джек... То есть капрал Стентон придумал, как откалибровать мощность выстрела. Он же придумал, как развести нагрузку по дополнительным контроллерам и запитать дополнительную батарею. После этого проблем у нас не было.

Старшина с капитаном переглянулись.

– Ну что же, – сказал офицер. – Спасибо вашему командиру, что не поскупился на таких бойцов, я думал, зажмет.

– Так капитан Хольмер знал, что вы именно нас затребовали, сэр? – удивился Джек.

– Конечно знал, мы ведь не абы кого вызывали, мы отбирали лучших и рекомендовали нам вас не только ваши начальники, но и бывшие противники. Те врать не станут. Ну, на этом все, хотя... Вам же нужно знать наши имена, правильно?

– Как хотите, мы может обойтись прозвищами или какими-то кодовыми словами, – заметил Хирш.

– Замечательно. Тогда старшина будет Крафт, а я Лефлер. Подходит?

– Вполне подходит, сэр.

– Тогда милости просим – в машины и за нами. Крафт, помоги капралу загрузить гранатометы. Они влезут в каби-

ну?

– Влезут, сэр, проверено, – заверил его Джек.

Когда все было погружено, Джек и Хирш забрались в кабины, а капитан со старшиной пошли вперед, указывая дорогу.

Опустив бронированные шторки, Джек вертел головой, запоминая маршрут. Четыре гранатомета в кабине сковывали его движения, но он к такой тесноте был привычен – не раз приходилось таскать что-то внутри.

– Тедди, как тебе обстановочка? – спросил он на корпоративной волне.

– Нормально. Ловушки нет, и на том спасибо.

– Как-то ты не радостно...

– А чего радоваться? Они про нас все знают, а мы про них – ничего.

– Расскажут еще...

– Ага, жди. Представляю, как они смеялись, когда узнали, что я люблю печенье с молоком – как маленький мальчик.

– Наплюй, приятель. За моими курами твоего печенья даже видно не будет.

– Ха! А ведь и правда! – воскликнул Хирш, и Джек понял, что поднял тому настроение.

Снаружи ангар казался не таким большим, но внутри его размеры словно увеличились втрое.

Горевшие под потолком светильники с трудом размыкали сырой мрак складского помещения. После солнца там, снаружи, все здесь казалось каким-то нереальным, как будто прибывшим из предутреннего сна загулявшего накануне солдата.

Едва «таргар» и «грей» показали в ангаре, от дальней стены отошел еще один «грей» и направился к незнакомцам.

Это было похоже на встречу собак, которые впервые увидели друг друга. Несколько неуверенных шагов, остановка, чтоб потянуть носом воздух и понять, кто враг, а кто друг. В конце концов неизвестный «грей» зашагал бодрее и вскоре остановился напротив прибывшей пары. Кабина опустилась, и из нее выскочил пилот.

По его лицу Джек сразу понял, что это компанейский парень, поскольку незнакомец так радовался, будто встретил родственников, при том, что на его рукаве красовался шеврон Аркона.

Опустив кабину «таргара», Джек выбрался наружу и, оглядевшись, подошел к аркону.

– Здорово, приятель! – воскликнул тот и первым подал руку.

Джек осторожно ее пожал. Довольная улыбка недавнего противника смущала его.

– Ты чего так радуешься, камрад?

– А ты меня не узнал?

– Нет, откуда мне тебя знать?

– Ну если не меня, то моего гоблина! Смотри, вот этот раскрас – такой только у меня был! – воскликнул пилот, указывая на коричневые полосы по всему корпусу машины, как будто он стоял в тени раскинувшихся ветвей.

– Постой, так это ты был на болоте, недалеко от форта Забияка? – начал вспоминать Джек.

– Вот именно, приятель! – воскликнул арконский пилот и, подскочив к Джеку, хлопнул его по плечу. – Ты помнишь, как станции прессовали нас на этом валу у болота? Помнишь?

– Помню, – кивнул Джек. – А это мой комвзвода, он тоже там был и палил из своего гаусса...

– Да, точно! – закричал арконский сержант и, подбежав к Хиршу, хлопнул и его по плечу. – Здорово, камрад, я помню, как ты долбил по станциям! Мы еще удивлялись между собой: что за хрень там у них синим огнем сверкает, а это, значит, гаусс?

– Гаусс, камрад, – кивнул Хирш и пожал сержанту руку.

– Подумать только! Я такой хрени в жизни не видывал!..

Сержант обежал «грей» Хирша три раза, дотянулся до чехла гаусса и, покачав головой, остановился.

– Хорошо, что я в этом прицеле не замаячил... Очень хо-

рошо.

– А нас тогда очень ваши лаунчи напугали, – вспомнил Джек, поглядывая на высокий потолок ангара. – Как налетели, я думал, все, кранты...

– Да уж, только они не за вами прилетали! Это мы до хрипоты их по радио вызывали, а наш оперативный треплет: вам ничего не угрожает, прекратите истерику. Вы представляете такую скотину? Сидит там у себя, радисток щупает и говорит, что нам ничего не угрожает! А как не угрожает, если наш старшина Ромли уже сгонял на «грее» в рощу и засек, где у этих станций десантная баржа была спрятана!.. Так нам и доложил: сфера огромная, вызывайте лаунчи срочно!

– И что потом? – спросил Джек.

– Сожгли его станции. Заметили и сожгли. А потом ломанулись в нашу сторону, дальше вы сами видели.

– Да уж видели, – согласился Хирш и невольно кашлянул, вспомнив, как горела в его кабине вся обшивка.

– Вообще-то я зовусь Петер Шойбле...

– Я Тедди Хирш, а он Джек Стентон.

– Ну, очень приятно, а мы вот тут пока обитаем, – сообщил Шойбле, обводя рукой все пространство ангара. – Сегодняшнюю ночь провели здесь, в палатках. Вон там, в левом углу – начальницкая, а я вон в той большой ночевал, с пехтурой.

– А чего твоя пехтура такая набыченная? – спросил Хирш, поглядывая на сидевших возле большой палатки солдат, ко-

торые занимались своими делами – перебирали амуницию, чистили оружие и что-то ели.

– Разведотделение. Они на людях всегда такие.

– А что за работу нам делать придется, ты в курсе?

– Ну, начальники не особо распространяются... – Шойбле покосился на командирскую палатку. – Но я так понял: искать кого-то будем.

– Каких-нибудь беглых преступников? – улыбнулся Хирш.

– Для такого дела полиции бы хватило, а у нас разведотделение, да и старшина с капитаном личности непростые.

– Что значит непростые?

Сержант снова оглянулся на командирскую палатку, потом потер подбородок и посмотрел на Джека, а потом на Хирша, словно взвешивая, можно ли им доверить что-то секретное.

– Вы слышали про службу СГБ? – спросил он.

Джек с Хиршем переглянулись. Джеку эта аббревиатура ни о чем не говорила, а Хирш сказал:

– Это самая главная секретная служба в государстве.

– Так точно, господин лейтенант, так вот наш капитан Лефлер как раз принадлежит к этой компании.

– Да ну?

– Точно вам говорю, – понижая голос, заверил Шойбле. – Само собой, никаких документов он мне не показывал и по пьянке не проговаривался, но я не вчера контракт подписы-

вал. Кое-чего слышал, кое-чего видел, остальное сам додумал.

– Однако, – почесав затылок, признался Хирш. – Но какой из этого вывод?

– Вывод следующий: нам здесь придется несладко, но скушать не будем.

– Это плюс или минус? – уточнил Джек.

– Постой, – одернул его Хирш. – А что за человек этот старшина Крафт? Он выглядит как накачанный маслом – вот-вот взорвется!

– Ты тоже заметил, камрад? Его бочкообразное тело, его странные глаза.

– А я этого не заметил, – вмешался Джек.

– Ты не туда смотрел.

Джек пожал плечами и попытался получше рассмотреть старшину Крафта, который, оседлав стул рядом с командирской палаткой, что-то писал в электронном планшете.

Сложен он, действительно, был несколько необычно: круглая грудная клетка, короткая шея и угловатая голова. При ходьбе сержант выглядел как тяжелый робот «берг».

– Но что с ним на самом деле не так? – спросил Хирш. – Мало ли странных людей встречается.

– Я вам сейчас расскажу... – переходя на шепот, произнес Шойбле и придвинулся к Джеку с Хиршем вплотную. – Я, когда прибыл сюда, подогнал машину, спешил и зашел в ангар, а сержант Крафт в это время под потолком на балке

корячился – кабель электрический протягивал. И то ли он на меня отвлекся, то ли поскользнулся, но вдруг грохнулся вниз – сразу за палаткой, и мне ничего видно не было. Я думал все, амба ему! Высота там метров семь, а пол бетонный.

– А он что? – не выдержал Джек.

– Сам видишь: ходит и даже не хромает. Я поначалу опешил, а потом решил бежать к нему, чтобы помочь, если жив, а он вдруг сам из-за палатки выходит и штаны от пыли отряхивает и потом снова на балку полез по лесенке, чтобы работу доделать. Вот такие у нас тут дела.

– Эй, новоприбывшие! – крикнул капитан Лефлер, выглянув из палатки, и призывно махнул рукой.

Джек с Хиршем поспешили к нему, обойдя старшину Крафта, продолжавшего что-то писать.

– Так, ребята, вон там в углу двух- и трехместные палатки. Подберите себе подходящую и поставьте где-то здесь – в ангаре. Там же, – капитан сдвинул руку чуть левее, – коробки с провиантом. Пока только консервы, но все самой высокой категории, есть даже фрукты экстремальной сушки. Залейте их водой, и через пять минут будет свежий плод. Ну, почти свежий.

– У нас про такое только рассказывали, сэр, – сказал Джек.

– А теперь есть возможность попробовать. Фруктов, если не ошибаюсь, два десятка видов, количество неограниченное, если съедите все, привезут еще – в еде мы не лимитированы.

– Это радует, сэр, – улыбнулся Хирш. – А как с сортиром?

– С сортиром все просто, за углом ангара слева четыре кабинки. За углом справа – четыре душевые кабинки. Вода тоже не лимитирована, подвоз раз в два дня. Возле соседнего здания цистерна с горючим для ваших турбин, так что все условия, господа, только работайте.

– А чего делать-то? – тотчас спросил Джек.

– Работа у нас поисковая, ходить по старым шахтам и выискивать оставшиеся полезные ископаемые.

– Под прикрытием гаусса, – добавил Хирш в том же тоне, сдерживая улыбку. Зато улыбнулся капитан. Заложив руки за спину, он прошелся мимо Джека с Хиршем, потом обернулся и сказал:

– Хорошо иметь дело с фронтовиками, не нужно ничего разжевывать, – мы будем искать вражеские базы.

– Под землей, сэр? – уточнил Джек. – В шахтах?

– В шахтах, капрал.

– А кто враг?

– Станции.

Джек с Хиршем переглянулись.

– Прошу прощения, сэр, – сказал лейтенант. – Мы будем искать те места, где базируются сфероиды?

Капитан посмотрел себе под ноги и, снова взглянув на Джека с Хиршем, сказал:

– Да, господа, родина поручила нам это важное задание. Раньше мы не знали об этих возмутительных фактах, что

где-то на наших планетах присутствуют военные подразделения противника, который, по всей видимости, мечтает захватить наше жизненное пространство. На первый раз информации вам достаточно. Ставьте палатку, кушайте, приводите себя в порядок, а завтра в шесть утра за нами придет «средняк». Место высадки в двух с половиной часах отсюда.

Палатку Джек с Хиршем поставили за полчаса – взяли трехместную.

На пол набросали дюжину спальных мешков, поверх них положили еще два своих, и условия показались им вполне сносными.

– Ну что, как тебе? – спросил Хирш, пытаясь подпрыгнуть лежа на спине.

– Классно, Тедди. Пойдем за жратвой?

– Пойдем. Хорошо бы там печенье было.

Они сходили в продовольственный угол ангара и трижды возвращались нагружившиеся, как выючные животные. Лейтенант был в восторге, ведь в пайках оказалось не только сублимированное печенье трех сортов, но и сухое молоко двух видов.

А еще ромштексы в сметанном соусе, отбивные джи-джи, картофельное пюре, картошка фри, картофельная запеканка и картофельные зразы.

Потом еще – тушеные баранина, свинина, говядина, конина, печенка неизвестного животного и курица. Курица! Мясо белое с шампиньонами в майонезе и ножки куриные а-ля мундиер!

Джек тоже был счастлив. Он еще не открыл эти банки, но уже знал, что не зря отправился в командировку. Да, он по-

остыл к моделированию куриц, однако его кулинарные пристрастия остались прежними.

Заснули Джек с Хиршем часов в восемь вечера – сытые и умиротворенные, а в пять утра их уже разбудил старшина Крафт.

– Давайте к душевой, умываться, а то пехтура все места позанимает, – предупредил он, и Джек с Хиршем помчались по бетонному полу к выходу, где караулил озлобленный за ночь часовой.

Прибежав к умывальникам, приятели стали чистить зубы, все еще пребывая во власти сна. Потом умылись и, поеживаясь от утренней прохлады, поспешили обратно, в то время как из ангара с криками и воем выскочил взвод пехоты и помчался к умывальникам – спасибо Крафту за раннюю побудку.

Придя к туалетным кабинам, Хирш и Стентон нашли их закрытыми, однако их это не смутило. Джек ударил ногой по ближайшей и потребовал:

– Бумагу давай! На две персоны!

Ему в щель под дверью передали нужное количество и, честно разделив бумагу, они прошли еще метров тридцать, присели над редкой травой и предались воспоминаниям, рассказывая друг другу, как обходили проблему занятых кабинок в других ситуациях.

По всему выходило, что здесь это было проще.

– Надо бы с Хольмером связаться, – сказал Джек, расходуя

бумагу.

– Ясен пень. И прямо сегодня, – поддержал его Хирш. – Если только Лефлер поможет.

В положенное время на заброшенный плац прибыл «средняк». Джек, Хирш и Шойбле загнали машины в замки и выбрались в десантный отсек, где уже находились капитан Лефлер со старшиной Крафтом и бойцы разведывательного взвода, которые по-прежнему искоса посматривали на тардионов.

Когда Джек с Хиршем снова задремали, к ним подошел один из арконовских командос – в бронежилете, с автоматом и в шлеме.

– Эй, парень! – позвал он, расталкивая Джека.

– Ну? – ответил тот, приоткрыв глаз.

– Вы это... спорите свои шевроны...

– А то что?

– А то найдете проблем на свои задницы.

– Ногой в башку хочешь прямо сейчас? – уточнил Джек, глядя на незваного гостя.

Командос повел плечами, встряхнул головой, но под пристальным взглядом Джека уверенность к нему так и не вернулась.

– Я пойду, – сказал он и ретировался. А когда ушел, лейтенант Хирш прыснул со смеху.

– Ты чего? – удивился Джек.

– Здорово ты его спровадил, я даже не ожидал. Ты заме-

тил, какой этот парень здоровый?

– Да мне по барабану, какой он здоровый. Ты слышал, что он сказал – спорите шевроны!.. Да я его порву в куски вместе с бронезилетом за такие предложения! Чего ты смеешься?

– Я не смеюсь, Джек, что я, сумасшедший? – Хирш поднял руки в знак капитуляции.

– Ты не принимаешь меня всерьез, – вздохнул Джек и сел.

– Брось, – возразил Хирш и тоже сел. – Просто раньше я твою ярость мог определить только на слух – в бою по радио, а теперь впервые увидел, как ты сердишься.

– И что? – спросил Джек, начиная улыбаться.

– Да ужас просто! Я сам чуть не обделался, честное слово!

– Да пошел ты, Тедди! – возмутился Джек, и они с Хиршем рассмеялись, привлекая внимание насупившихся у дальней стены разведчиков.

Они высадились через два с половиной часа на небольшой возвышенности, где не росло ни травинки, зато и пыли совсем не было, а грунт под ногами представлял собой спекшийся от химикатов песок.

– Тепло сегодня, сэр, – сказал старшина Крафт, и его голос продублировал в кабине «таргара» пластиковый динамик.

– Тепло. Но нам идти недалеко – полтора километра, – заметил капитан Лефлер.

– Гм, прошу прощения, сэр, – вмешался Хирш. – А почему нас не высадили поближе?

– Потому что транспорт могли запросто сжечь...

– Даже так?

– Даже так, лейтенант. Вы, кстати, недели выданный вам жилет?

– Я... Я не подумал, что в кабине мне что-то грозит, сэр.

– Грозит, лейтенант, очень даже грозит. И вы, Стентон, тоже наденьте.

– Да, сэр, – отозвался по радио Джек и выдернул из-под сиденья упаковку с жилетом.

Они с Хиршем не придали значения предупреждению Лефлера, решив, что за броней боевых машин им никакое излучение не грозит. Однако, видимо, грозило.

Спустя минуту подразделение в составе пятнадцати раз-

ведчиков, капитана Лефлера и старшины Крафта шагало по красноватому песку, а с флангов их прикрывали сержант Шойбле на «грее» и капрал Стентон на «таргаре». Лейтенант Хирш выполнял роль передовой разведки и направлял своего робота с холма на холм, чтобы первым увидеть врага, если тот решит поставить засаду.

Капитан Лефлер такой тактики не понимал, однако, когда Хирш предложил ее, сразу согласился. У этих пилотов был длинный послужной список, и, если они что-то советовали, следовало соглашаться.

Лефлер привык доверять профессионалам. Главное, найти их. А уж если нашел – будь спокоен, они не подведут.

И теперь, под прикрытием брони, он меньше беспокоился за свой отряд и всю операцию.

До входа в шахту добрались без проблем. Он был похож на огромную сказочную пещеру, в которую легко вкатился бы грузовик грузоподъемностью в полторы сотни тонн. Когда-то давно именно такие гиганты тут и катались, но теперь на осыпях не встретилось ни одного человеческого следа, только тонкие дорожки от полевых крыс и тушканчиков.

– Что дальше, сэр? – спросил Хирш, останавливаясь у правого края шахтного зева.

– Включайте инфракрасные фары, и продолжим движение. Судя по моим картам, мы можем пройти еще пару километров незамеченными...

Хирш выполнил приказ и повел свой робот-«грей» по

хрусткой породе, ориентируясь только на тепловизор.

– Джек? – произнес Хирш на корпоративном канале.

– Я зашел, Тедди.

– Я не об этом.

– Чего-то боишься? Капитан идет вместе со всеми.

– Я не об этом.

– А о чем?

– Смотри в оба, у меня нехорошие предчувствия. Он ориентируется по карте, но тут все могло измениться.

– Могло, Тедди... Честно говоря, мне все это тоже не нравится.

Джек щелкнул переключатель на общую волну и спросил:

– Сэр, а в чем смысл этого тонкого жилета, ведь голова, руки и ноги остались открытыми?

– Видите ли, капрал... Излучатель фокусирует максимальное излучение на большей массе – в данном случае на туловище. Конечности его мало интересуют.

– Спасибо, сэр.

– На здоровье, приятель.

Уклон был небольшой, градусов пять, однако ширина туннеля понемногу уменьшалась, и скоро впереди помещалась только пара «греев», которые просеивали инфрафарами черноту шахты и время от времени останавливались, чтобы сориентироваться на очередном повороте.

– Сэр, этот туннель вправо – он основной или как? – спрашивал Хирш.

– Минуточку... – отзывался капитан Лефлер. – Наш туннель главный, ответвления вправо игнорируем.

– Тогда вперед.

Не прошло и пяти минут, как туннель сузился настолько, что в нем уже не стали помещаться два «грея» рядом, даже одному такому роботу было здесь тесновато. Пришлось Джеку на «таргаре» становиться во главе колонны, за ним вприпрыжку теперь двигался полувзвод разведчиков.

В какой-то момент колонна обогнала Джека и прошла под сводами туннеля, который то сужался, то неожиданно расширялся. Появлялись боковые ходы, про которые капитан говорил: «Не обращайтесь внимания, идите прямо».

Яркая вспышка и крики остановили движение в одной из рекреаций. Джек увидел факелы автоматов и неясные тени в сполохах инфракрасной фары.

Вдруг экран бортового компьютера мигнул, а в горле зазвонело так, что Джек сразу понял, что произошло, и, прикинув рост пехотинцев, сделал выстрел из гранатомета над их головами.

Он еще не знал, каков будет результат, однако следовало что-то предпринимать, чтобы отвлечь противника.

Взрыв полыхнул метрах в тридцати от пехоты, и Джек ожидал комментариев к своей стрельбе, но капитан молчал – он вообще ничего не видел, а командир взвода разведчиков закричал:

– Они уходят, сэр! Преследую!..

И вся пехотная группа помчалась вперед, держась ближе к стенам и стреляя на ходу.

Джеку такой расклад совсем не нравился. Какой смысл в поддержке, если он теперь точно не может вести огонь, опасаясь задеть своих?

Между тем узкое горлышко уже было пройдено, и галерея стала расширяться, а Джек даже не знал, как зовут командира разведчиков, чтобы окликнуть его по радио, при том что пехотинцы переговаривались кодовыми фразами, непонятными постороннему.

Перед пехотой вдруг вспыхнула осветительная граната, и Джек увидел высокий силуэт человека с каким-то массивным оружием в руках. В горле снова запершило, но Джек поймал силуэт в перекрестие прицела пушки и выстрелил.

Он еще не понял, что там произошло, но осветительная граната продолжала гореть и прыгать вдоль стены. Пришлось гнать машину наобум, рискуя затоптать разведчиков. Джек не видел, сколько их еще в строю, но понимал, что слишком

мало, чтобы преследовать врага.

Внимательно следя за тем, чтобы никого не придавить, он пробалансировал на «таргаре» по узкой тропинке и выскок в большую подземную полость, такую просторную, что не увидел даже потолка.

– Справа, тардион! Справа!.. – прокричал кто-то в эфире. Джек заставил «таргара» прыгнуть вперед, и за его кормой пролетела граната с красноватым маркером.

Довернув кабину вправо, Джек попытался на ходу разглядеть опасность, но то ли враг искусно прятался, то ли умело поглощал инфракрасный спектр, и Джек, только чутьем поняв, что там их много, отстрелил гранату и сделал еще один прыжок в сторону.

Граната врезалась в стену, полыхнул огонь, и Джек увидел, как разбросало солдат противника.

Уцелевшие пехотинцы стали торопливо расстреливать свой боекомплект, и Джек видел, как пересекались строчки голубоватых вспышек там, где пули натыкались на скальную породу.

– Джек, ты в порядке?! – спросил Хирш.

– В порядке!

– Ты их видишь?!

– Нет, Тедди...

– Вы их положили, тардионы! Их нет! – прохрипел кто-то их пехотинцев.

«Нет, ребята, они еще где-то здесь...» – не согласился с

ним Джек, двигая робот приставными шагами и просеивая все вокруг инфракрасной фарой.

«А если включить основную?» – подумал он. И тут увидел в каком-то непонятном спектре десятки перекошенных от ярости морд, оскаленные зубы и выпущенные когти на мускулистых, готовых к схватке конечностях.

Джек ударил по кнопке, и сноп яркого света выхватил распластанный в полете силуэт врага.

Наверное, он весил все сто пятьдесят и был на две головы выше Джека, поскольку удар по «таргару» был такой, что удержать машину не было никакой возможности.

Пара секунд полета – и встреча с бетонным полом.

Впрочем, Джека это не шокировало. Он слышал доносившийся снаружи грохот, видел вспышки зенитных артавтоматов, но отсиживаться в кабине не хотел – это было опасно.

Сорвав с цепочки револьвер, Джек распахнул дверцу и, увидев освещенную вспышками оскаленную морду, тотчас выстрелил. Затем выскочил из кабины и начал стрелять по мятущимся силуэтам.

Револьвер швырял одиннадцатимиллиметровые пули, однако отдачи Джек не замечал. Да, он помнил, как оттопыривать большой палец, чтобы не свезло кожу, но до этого ли сейчас было?

Следовало лишь считать оставшиеся патроны: семь, шесть, пять, четыре, три, два, один...

С пустым барабаном Джек присел, ожидая новой атаки,

но ее не последовало. Повсюду горели огни – фары «греев» и ручные фонари пехоты. Потолок, стены, пол, нагромождение тел и снова потолок – и все это где-то далеко в фиолетовой дымке.

– Джек, ты в кабине?

– Нет, «таргар» свалился, – ответил Джек через нагрудную рацию.

– Не отходи от него, сейчас зачистим территорию, и ты поднимешь машину... Надеюсь, без повреждений?

– Да он меня массой сбил, Тедди! Просто врезался башкой – такой здоровенный парень с клыками, как у гориллы, и завалил машину, представляешь?

– Это он возле «таргара» лежит?

Джек обернулся.

– Это он, Тедди...

Джек забрался в кабину лежащего на боку робота, щелкнул тумблерами и запустил навигацию, после чего «таргар» штатно встал на опоры.

– Ну что тут у вас? – прозвучал в эфире голос капитана Лефлера, а вот и сам капитан вышел из темноты.

– Прошу прощения, сэр, восстанавливаем управление, – пояснил Хирш. Он пока плохо знал Лефлера и присматривался, отмечая его реакции.

– К вашему сведению, у нас есть пострадавшие от излучателя – получили ожоги. Из-за близкого расстояния к излучателю жилеты не помогли. Слабоватая защита, надо придумать что-то еще. Кстати, капрал, что у вас за оружие?

– Гранатометы и малокалиберная пушка, сэр.

– Нет, я говорю про ваше личное оружие. Чужаки имеют костистые тела, их не всякая пуля берет, а вы валили их, как в тире.

– Вот, сэр, – сказал Джек, подавая капитану свой револьвер-монстр с пустым барабаном.

– Его даже развернуть трудно. Как вы это делаете?

– Меньше всего думал об этом, сэр.

– Главная мысль – попасть в цель?

– Нет, главная мысль – чтобы при отдаче не поломало пальцы, а попасть в цель – с этим сложностей не бывает.

– У него не бывает, – уточнил Хирш через приоткрытую дверцу кабины «грея».

– Сэр! У нас проблемы! – проорал в эфире старшина Крафт.

– Что такое? – отозвался Лефлер.

– Похоже, суперстанция! Робот-гигант, и он движется по правому отводному рукаву!.. О, сэр! Я его уже вижу!..

Джек еще не успел понять, что за суперстанция и откуда она движется, как уцелевшие солдаты первыми открыли шквальный огонь.

Затявка пушка «грея» Шойбле, а потом затарахтели зенитные автоматы. Цепочки красных трассеров указали нужное направление, и Джек, развернув машину, увидел «сато». Да, те же размеры, та же стать и мощь, только вместо гигантской пушки и массивных ракетных контейнеров – огромные панели с реактивными гранатами.

Множество мятущихся по залу целей замедлили реакцию монстра, и он тупо поводил стойками датчиков, бросая одни цели и начиная рассчитывать другие.

Вдруг через неприкрытую дверцу влетел револьвер и, ударившись о потолок, завертелся на полу. «Ну спасибо, капитан, что не зашиб насмерть!..» – мысленно поблагодарил Джек, прикидывая свои шансы и планируя действия.

Последовал залп по Шойбле, но быстрая машина отскочила в сторону, едва гранаты стартовали из контейнеров.

Жаркая волна от термических взрывов хлестнула по «тар-

гару», и Джек почувствовал, как печет, даже сквозь броню.

Что он мог сделать против такого гиганта – с пустыми гранатометами и жалкой пушчонкой?

Только ноги – быстрые опоры и легкий ход – могли спасти его.

– Стреляй же, Тедди! – крикнул он в эфир, и новая серия гранат пронеслась над корпусом «таргара».

Машина Шойбле торопливо растрачивала боекомплект, но суперстанции от этого не было никакого ущерба. Она лишь двигала панель из стороны в сторону, выбирая главную мишень. И прогадала.

Полыхнула фиолетовая вспышка, и гаусс лейтенанта Хирша разрядил в цель девяносто процентов мощности. Должно быть, в кабине Хирша запахло паленой изоляцией, зато верхняя часть суперстанции разлетелась вдребезги, и робот-гигант, попятившись, рухнул навзничь, подняв клубы красноватой пыли, на которой заплясали лучи урановых фонарей.

– Там дальше должен быть главный ангар! Вперед! – прокричал в эфир Лефлер, и Джек удивился – откуда капитан это знает? Еще недавно Лефлер держался позади колонны, давая лишь советы.

Обойти свалившуюся в проходе суперстанцию оказалось несложно – места здесь было достаточно. Однако пехота и старшина Крафт снова убежали вперед.

Возможно, где-то там был и капитан Лефлер, но Джек его в этой пляске прожекторов не заметил.

Следующий зал оказался поменьше, но и здесь от стены до стены набегали десятки метров, точнее определить было трудно: темнота и висевшая в воздухе пыль скрывали ниши, боковые отводы, а где-то даже галереи, в которых нет-нет да и мелькал чей-то силуэт.

– Сэр! Капитан Лефлер! Куда идти, какие будут указания?!

Джек узнал голос Хирша, это был не вопрос, это было требование, поскольку пилоты роботов окончательно потеряли ориентацию.

– Идите за пехотой!

– Но где она, сэр?

– В конце зала. Он имеет прямоугольную форму, и вы пока в первой его трети. Идите вперед, лейтенант!

Яркие прожекторы «греев» прошили густую темноту, и Джек стал лучше понимать, что происходит. Частая стрельба уже не сбивала с толку, он видел, как по мосткам, тянувшимся от стены к стене, двигались какие-то силуэты.

– Тедди, вижу на мостках движение!... – сообщил он.

– Мостки не трогать! – вмешался Лефлер.

«Да где же он находится, впереди или сзади?» – подумал Джек.

– Давай сам, аккуратно, – предложил Тедди Джеку, и Лефлер не возразил.

Джек поймал в прицел один из силуэтов и выстрелил из пушки, а спустя мгновение тело грохнулось о бетонный пол.

С мостков ответили каким-то странным оружием: Джек увидел вспышки по всему экрану, а потом раздался звонкий щелчок, и розоватый луч пропорол темноту, заставив закричать Шойбле.

– Они проббили мою кабину! Насквозь проббили! – вопил он, однако больше от удивления, чем от испуга.

Джек взял коррекцию и, поймав в прицел стрелка, сбил его с мостка одним выстрелом.

– Глушите их, не дайте им уйти! Только аккуратно! – требовал Лефлер.

Зенитные пушки «греев» не имели функции одиночного огня, однако Хирш и Шойбле были лучшими, поэтому их зенитки стали отстреливать по два-три снаряда, снимая с мостков вражеских солдат.

Джек успел сбить еще только одного, когда эти двое покончили со всем подразделением.

– Внимание, это пошли наши! – предупредил Лефлер.

– Понятно! – ответил Джек, даже по силуэтам определяя,

что это свои. Они бежали по мосткам в том же направлении, куда пытались добраться вражеские солдаты.

Вторым бежал старшина Крафт, его нельзя было ни с кем спутать. Несколько прожекторов пересеклись на передовой группе, которая вдруг натолкнулась на отряд врага. Противники открыли огонь почти в упор, но пехота сумела избежать поражения и прошла дальше, а бежавший первым столкнулся с чужаком. Джек видел это в свете прожекторов очень отчетливо! Чужак вышиб у пехотинца автомат, а затем пронзил его тело рукой, как будто это было какое-то огромное пирожное безе! Пробил насквозь, вместе с оснасткой и бронежилетом, а потом сбросил вниз.

Однако движение пехоты не замедлилось, и следующим к чужаку подскочил старшина Крафт. Чужак ударил его тем же манером, надеясь нанизать на руку, как червяка на крючок, но у него не вышло – Крафта лишь отбросило назад, затем он сам атаковал чужака, и на этот раз его рука пронзила тело чужака, и потом Крафт скинул его вниз, как совсем недавно скинули вниз командира пехотинцев.

Джек все еще находился под впечатлением этой ужасной сцены, когда пехота продвинулась дальше. Вскоре передовой отряд проник, как понял капрал, в главный пункт управления чужаков.

Послышался лязг, и на стене справа стали расходиться створки огромных ворот, закамуфлированных под скальную породу. В открывшемся ангаре вспыхнули осветительные

панели, и Джек увидел сферу. О точно такой же рассказывали бойцы, которым посчастливилось увидеть только часть сферы, поднимающейся из подземного океана.

– Вот оно, вот оно, ребята! – закричал в эфире Лефлер.

Сфера парила над полом на высоте примерно двух метров, а в диаметре достигала метров тридцати. Было в ее спокойствии некое презрение к этим варварам, ворвавшимся в ее обитель и нарушившим ее сон.

Никаких погрузочных ворот, створок или хотя бы заклепок на теле сфероида видно не было. Как в него грузились сотни боевых станций, понять было невозможно.

– Внимание всей команде – немедленно уходим! – прокричал Лефлер, и теперь Джек заметил капитана, который передвигался позади всех, чтобы видеть картину боя.

Снаружи группу ждал все тот же «средняк» с уже запущенными турбинами. Пока роботы цеплялись в захваты, пехотинцы погрузили всех раненых и одного убитого. Геликоптер легко поднялся и взял курс на базу, но не успел он пролететь и километра, как мимо иллюминаторов по левому борту проскочила пара дронов, а затем над местом недавней подземной схватки поднялся огромный гриб копотного пламени.

Джек с Хиршем обменялись понимающими взглядами, а Шойбле ничего не заметил, он сидел чуть поодаль, прикладывая к обожженному боку компресс.

Но капитан Лефлер видел все и лишь развел руками, а потом, покинув свой начальственный стульчик, подошел к Джеку с Хиршем и сел на отделочную панель, под которой были спрятаны технологические трубопроводы.

– Ну и как вам у нас, ребята? – спросил он нарочито бодрым голосом, но в следующее мгновение их настигла взрывная волна, и тяжелый транспорт швырнуло, словно смятый пакет.

– Воздушная яма, – пояснил Лефлер, натужно улыбаясь.

– Они взорвали сферу, сэр, – сказал Джек, поглядывая на разместившихся прямо на полу пехотинцев, которым бинтовали кому руку, кому ногу. Эти воины не были похожи на

победителей.

– Не коситесь так, капрал, завтра мы получим новых солдат, а эти отправятся в благоустроенные госпитали.

– Да уж видел я эти госпитали, сэр, не советую там оказаться, – усмехнулся Джек, и Хирш дернул его за рукав.

– Хорошо, – произнес капитан и вздохнул. – Мы сегодня реализовали разведывательную информацию. Кое-что у меня было, остальное мы добыли в бою.

– Мы шли вслепую, сэр, – заметил Хирш. Он заговорил об этом первым, чтобы сдержать Джека.

– Да, мы шли вслепую, мы понесли потери, но завтра нам пришлют любое количество пехотинцев и все что угодно, лишь бы опередить врага, который уже давно находится здесь и планирует...

– Что планирует? – тотчас спросил Джек.

– А хрен его знает, капрал, – ответил капитан, пожав плечами. – Бесспорным фактом является лишь то, что они опережают нас на десятки шагов. Мы не знаем, что случится в следующий момент – высадка небольшой экспедиции или массированная атака на всех планетах сразу. Поэтому действовать приходится отчаянно, опираясь на разрозненные куски информации. Сегодня нам повезло, и мы на этих кусочках одержали победу, хотя потеряли сфероид, но еще в трех местах подобные команды были уничтожены полностью, вместе с пехотой и роботами. Как вам такое?

Джек с Хиршем снова переглянулись. Они понимали, о

чем говорит капитан, и теперь им становилось понятнее положение, в котором он оказался.

– Мы можем выяснить, откуда прибыли дроны, взорвавшие подземную базу? – спросил Джек.

– Можем. Такая возможность у нас имеется, но тогда нам придется атаковать другую малоизвестную подземную базу, потом еще одну и еще. Вы к этому готовы?

– Мы готовы, сэр, – кивнул Хирш. – Нам это не впервой, у нас каждая десантная операция была крайней – без гарантий безопасности.

– Рад это слышать, господа, собственно, кроме вас мне не на кого было опереться, и я рад, что не ошибся.

Сказав это, Лефлер вернулся на свое место, а Джек покопился на Хирша и покачал головой.

– Что? – недовольно спросил лейтенант.

– Это был театр, Тедди.

– Да, камрад, это был театр, но это был хороший театр. Разве нет?

– Хороший, – вынужденно согласился Джек. – Хороший, Тедди. И давай поспим, надоели этот грохот и шум...

На другой день разведчиков в ангаре не оказалось. Ни раненых, ни здоровых – ни одного. Остались только Лефлер со старшиной Крафтом и сержант Шойбле наедине с новеньким, только со склада, «греем».

– Эй, я это не заказывал... – сказал он, указывая на то, что заняло место его продырявленного робота.

Джек видел эту пробоину накануне. Шойбле еще повезло, что луч прошел левее и пропорол корпус, лишь слегка поджарив самого пилота.

– А что тебе не нравится? – спросил Хирш, обходя новенький «грей».

– Ну, там у меня лежали... Конфеты и четыре презерватива! Да, четыре штуки!

– Так заберись в кабину и проверь, очень может быть, что личные вещи на месте, – предположил Хирш, спиной ощущая приближение Лефлера.

– Где наша пехота? – поинтересовался Джек, зевая и почесываясь.

– Наша пехота в госпитале, – ответил Лефлер, не глядя на Джека. Его заботило то, как Шойбле примет новую машину.

Лефлер знал, что у пилотов было что-то вроде привязанности к боевым машинам, но одно дело Тедди Хирш и его нестандартный усовершенствованный робот и совсем дру-

гое – обычная машина, на которой воевал Шойбле.

– Ну и что тут у тебя? Все в порядке?

– Да не все, сэр! – возразил Шойбле, подпрыгивая перед «греем», словно боксер в решающем раунде. – Совсем не в порядке! Где мой Рикардо? Где мой боевой товарищ, с которым я дважды горел?!

– Но он поврежден, в нем была огромная сквозная дыра, ты ведь помнишь? – спокойно, словно доктор с буйным пациентом, заговорил Лефлер.

– Да, я помню, – кивнул Шойбле, перестав прыгать. Он нервно взъерошил волосы и спросил: – Что с ним теперь, где он?

– Его здесь нет, сержант, его увезли...

– Куда, на ремонт?

– Боюсь, что нет, сержант.

– Что?! – вскинулся Шойбле. – Его сдали на разборку?!
Моего Рикардо?!

– Нет, его отправили на пенсию. Рикардо ведь не вечный, как и любой солдат. Пришло время ему уходить со службы, и теперь он будет стоять на складе, находиться в резерве, как и положено ветерану.

– А мне можно будет посмотреть на него?

– Конечно, можно, но не сейчас. Когда мы доделаем здесь свою работу, тогда пожалуйста.

– Спасибо, сэр.

– Не за что, сержант. А теперь заберитесь в кабину и про-

верьте свои личные вещи, я приказал переложить их на те же места.

Пока Шойбле опускал кабину, Лефлер сделал Джеку с Хиршем знак, чтобы они следовали за ним к выходу из ангара.

– Куда подевалась наша пехота, сэр? – снова спросил Джек, догоняя капитана. – Они же не все выбыли из строя.

– В подразделении слишком много раненых, и оно деморализовано, поэтому я вернул их обратно.

– Но как же мы без пехоты? В этих катакомбах мы на одних роботах не навоюем.

– А вы как думаете, лейтенант? – спросил капитан, когда они вышли на воздух.

– Капрал прав, сэр, без пехоты нельзя.

– Ну и не переживайте, в течение часа сюда придут два отделения тардионских пластунов. Полагаю, вас это обрадует.

– О да, сэр, – кивнул Джек и посмотрел на Хирша. – Со своими проще взаимодействовать, а эти были какие-то надутые.

– Их можно понять, машины вроде ваших потрепали им нервы. К тому же они видели вашу оснастку и, возможно, что-то о вас слышали раньше.

– Но с Шойбле мы сошлись...

– Сержанту Шойбле вы на болоте случайно помогли.

– Немного не так, сэр, – сказал Хирш. – Капрал намеренно

прикрыл «грей» Шойбле. Мы все там были на одной стороне.

– Ну, так тем более. Отсюда и взаимопонимание.

Капитан вздохнул и, одернув китель, огляделся.

– Хорошая сегодня погода, летная.

– Будет вылет? – сразу спросил Джек.

– Нет, сегодня придут новички, пока осмотрятся, то да се, а вот завтра... – капитан снова вздохнул. – Завтра, скорее всего, отправимся на задание.

– Подчищать будем? – уточнил Хирш.

– Что? – спросил капитан, выигрывая пару секунд, чтобы придумать ответ получше.

– Я спросил, сэр, будет ли это задание с нуля, или мы отправимся туда, где не справились другие?

– Ну, всегда кто-то где-то не справляется, а потом приходят другие и справляются. Я прав, капрал?

– Да, сэр, – кивнул Джек. – У нас такое часто бывало. Случалось даже, что самим приходилось возвращаться и доделывать дело.

– Значит, мы друг друга поняли. Если вопросов нет, занимайтесь своими делами, а я – на площадку, подожду наше пополнение.

Умывшись и почистив зубы, Джек с Хиршем вернулись в ангар, на ходу вытираясь растягивающимися одноразовыми полотенцами.

– Что ты думаешь про робота Шойбле, которого отправили на пенсию? Соврал капитан? – спросил Джек.

– Ты что, серьезно? – заулыбался Хирш.

– Я хочу знать твоё мнение...

– Ну ты даешь, камрад, – покачал головой Хирш, не уставая удивляться Джеку, сочетавшему удивительную наивность с большим боевым опытом.

– Значит, соврал, – понял Джек и бросил скомканное полотенце в стоящий у ворот мешок для мусора.

– Зато он привел в порядок Шойбле. Смотри, как тот увлекся новой машиной.

Из кабины новенького «грея» выглянул Шойбле, и Джек помахал ему, а Хирш спросил:

– Нашел свои презервативы?

– Да, нашел! – радостно ответил тот и вернулся к работе.

Как и большинство пилотов, Шойбле обожал «улучшать» кабину боевой машины – перекрашивать какие-то панели, вешать на тумблеры разноцветные шарики и заменять обшивку сиденья на гражданские чехлы на липучках.

Список улучшений был бесконечен и ограничивался

лишь грузоподъемностью робота, боевой рациональностью – в бою ничего не должно мешать – и традициями определенной воинской части.

Где-то любили вешать картонные игрушки с запахом хвои или мяты, где-то такие игрушки, напротив, запрещались. В какой-то части выстлали пол негорючей пробкой, в другом месте поощрялись всякие надписи вроде «Мы их порвем!» или «Слушай шум масляной помпы – возможен пробой сальника».

Однажды Джеку рассказали про небольшой пограничный отряд легких роботов, пилоты которых тоже обожали надписи в кабинах, но там почему-то запрещалось использовать гласные буквы.

Когда подошли к палатке, Джек остановился и посмотрел в дальний угол ангара, где старшина Крафт сидел на стуле со сломанной спинкой и опять что-то писал в планшете.

– Ты чего? – спросил Хирш.

– Ничего. Ты лезь в палатку, а я схожу к старшине – здороваюсь...

– С чего это?

– Потом расскажу.

– Ну иди поздоровайся, – пожал плечами Хирш и сделал вид, что полез в палатку, однако, едва Джек отошел, лейтенант выбрался обратно и стал наблюдать за товарищем. Что задумал капрал?

Тем временем Джек неспешно приближался к началь-

ственному углу, где стояла палатка Лефлера и Крафта.

В этот раз старшина не стал делать вид, что не замечает Джека, убрал стилус в гнездо, закрыл планшет и улыбнулся гостю, как если бы ждал его прихода.

– Доброе утро, сэр! – громко произнес Джек и, подойдя к старшине, резко выбросил вперед руку.

Крафт выждал мгновение и подал руку в ответ. Джек почувствовал мозолистую ладонь, как у механика круговой сварки из команды Берта Тильгаузена, а взглянув на руку, разглядел приплюснутые пальцы и массивные ногти, которые, несмотря на ухоженность, выглядели как подрезанные когти зверя.

– Рад видеть тебя, капрал. Зачем пришел?

– А вот зачем... – произнес Джек и двумя руками навалился на руку Крафта, стараясь вывернуть ему ладонь, но старшина одним движением восстановил статус-кво, заставив Джека упасть на пол.

– Пойдите, старшина, отпустите его! – закричал подбегавший Хирш.

– Он первый начал, сэр, – сказал Крафт, отпуская Джека.

– Да я уже понял! Извините его, кажется, он нажрался зубной пасты...

Хирш помог Джеку подняться, и вместе они вернулись к своей палатке.

Какое-то время приятели молчали. Джек смотрел в брезентовый потолок и даже не моргал, сосредоточившись на какой-то очень важной мысли. Хирш ему не мешал, устав думать, с чего его товарищу припекло сцепиться со старшиной.

– Я не все тебе вчера рассказал, Тедди... – сказал Джек и вздохнул.

– О чем? – спросил Хирш, делая вид, что не понимает.

– Вчера в этом подземелье...

– Ну.

– Помнишь эти мостки над главным залом?

– Конечно. Мы с Шойбле ссаживали с них пехотинцев.

Мне понравилось, как он работает, честное слово, хотел бы я, чтобы в нашей роте служил такой парень. Но это так, к слову, ты продолжай.

– Я ведь чего к Крафту ходил...

– И чего?

– Я на его руку смотрел... Правую...

– И что увидел?

– У него не ногти, Тедди, у него звериные когти и повадки такие же.

– Вот тут я не понял, Джек, – сказал Хирш, поворачиваясь на бок лицом к Джеку.

– Я вчера видел, как наши пехотинцы по этому мосту рванули навстречу чужакам.

– И что?

– А то, что командира взвода пронзил рукой один из чужаков. Я просто уверен, что у него была такая же рожа, как у того парня, который атаковал мой «таргар». Я видел его совсем близко, Тедди, оскаленная харя, утопленные глаза! Если бы мог, он бы разорвал машину в клочья, но ему это было не по силам. Он просто сбил меня – врезался, как танк, и свалил машину, понимаешь?

– Да все я помню, Джек, что здесь нового?

– Новое то, что человека пробили рукой! Нанизали прямо через броник!

– Нет, подожди, – Хирш сел. – Давай разберемся, что значит «пробили рукой»?

– Это случилось, когда наши пехотинцы и эти чужаки сошлись на мостке врукопашную.

– Я этого момента не заметил, я к этой лесенке позже подключился.

– Знаю, потому и рассказываю. Ты не перебивай, Тедди.

– Не перебиваю.

– Так вот, первым бежал сержант, я даже имя его не успел запомнить.

– Кажется, Линжал, сержант Линжал.

– Ну вот, этот зверюга выскочил на него из темноты и сданул рукой, насквозь, представляешь? А потом просто от-

швырнул беднягу, как задушенную кошку. А вторым за Линжалом бежал... – тут Джек понизил голос и посмотрел в сторону палатки начальства, как будто мог видеть сквозь брезентовые стенки. – За Линжалом бежал Крафт, и этот зверь хотел повторить с ним тот же фокус – ударил, да ничего не вышло! А потом ударил Крафт и сам нанизал этого на руку, а потом тоже сбросил вниз и побегал дальше. Все произошло за какие-то секунды, ну ты понимаешь, рукопашная – это как столкновение бронемашин! Искры, огонь, стрельба в упор!..

Они помолчали немного, Джек остужал разыгравшиеся воспоминания, Хирш, напротив, пытался дорисовать в воображении эти подробности. Получилось жутковато. Хирш перевел дух и вытер со лба проступивший пот.

– И чего ты ходил к Крафту? Хотел посмотреть, есть ли на руке кровь? Думаешь, он руки не моет?

– Нет, Тедди, я хотел посмотреть на эту руку как на оружие, я хотел понять, как он это сделал. Ну, убить так голого человека теоретически можно, если убийца долго тренировал руку и пальцы. Однако бронезилет, Тедди, он держит девятимиллиметровую винтовочную пулю...

– И тут ты вспомнил, что нам рассказывал про Крафта Шойбле?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.